

ТАРНАЗ

ПОКОРЕНИЕ
ЭЛЬБРУСА

Сборник

**Кавказ. Выпуск XIV.
Покорение Эльбруса**

Редакция журнала "Эльбрус

2014

УДК 91(479)031
ББК 26.9(531)Я2

Сборник

Кавказ. Выпуск XIV. Покорение Эльбруса / Сборник — Редакция
журнала "Эльбрус, 2014

ISBN 978-5-93680-709-1

История покорения двуглавого великана полна ярких страниц, это летопись человеческого мужества, отваги, дерзания. С 1829-го по 1917 г. на Эльбрусе побывало 174 русских и иностранных альпиниста. Многие из них оставили свои рассказы о восхождении на высочайшую вершину Европы. Эти записки и воспоминания составили первый том нашего издания. В него вошли главы из книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829-1830 гг.» венгерского путешественника и ученого Яноша Бешша, более известного как Жан-Шарль де Бесс, которому посчастливилось стать участником экспедиции генерала Эммануэля. Публикуются также доклад об этой экспедиции ученого А. Я. Купфера и записки известного русского историка В. А. Потто «На Эльбрусе и Арарате». Английские альпинисты Дуглас Фрешфильд и Флоренс Гроув, поднявшиеся первый на Восточную вершину Эльбруса в 1868 г., а второй в 1874 г. на Западную вершину, написали о своих восхождениях книги «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус» и «Холодный Кавказ», главы из которых включены в настоящее издание. Русский топограф и альпинист А. В. Пастухов стал первым, кто поднялся на обе вершины кавказского исполина. Его записки рассказывают «О восхождении на Эльбрус 31 июня 1890 г.». Среди многочисленных трудов исследователя Кавказа Н. Я. Динника есть и работа «Эльбрус, его отроги и ущелья», не переиздававшаяся с 1880 г. Также не потерял своей актуальности труд В. М. Сысоева «Эльбрус» (1900) - фундаментальный свод сведений по геологии, орографии и о покорении Эльбруса. По-прежнему с захватывающим интересом читаются записки членов Русского географического общества и Кавказского горного общества: Р. Р. Лейцингера «Поездка в Баксанскую долину и к Эльбрусу», Ф. Дунаевского «Пешком по главному хребту», Г. Абозина «Горная прогулка

к горячим нарзанам и ледникам Северного склона Эльбруса», Я. Фролова «На вершину Эльбруса», С. Голубева «Пешком из Пятигорска на Эльбрус и через Нахар в Сухум» и «Экскурсии по Центральному Кавказу». Страницы истории Эльбруса, его покорения людьми, написанные непосредственными участниками событий, запечатлены в этой честной и искренней книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 91(479)031

ББК 26.9(531)Я2

ISBN 978-5-93680-709-1

© Сборник, 2014

© Редакция журнала "Эльбрус, 2014

Содержание

От издательства	7
Высочайшая вершина Европы в справочных изданиях	9
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона	9
Большая советская энциклопедия, 1-е издание	11
Большая советская энциклопедия, 2-е издание	12
Большая советская энциклопедия, 3-е издание	13
Большой российский энциклопедический словарь	14
Кавказские легенды об Эльбрусе	15
Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.	20
Глава VII. Экспедиция на Эльбрус	21
Глава VIII. Тревога среди горцев при нашем приближении	24
Легендарная история мадьярского князя	25
Глава IX. Туземный князь в русском лагере	27
Глава XI. Русский лагерь у подножия Эльбруса	28
Глава XII. Восхождение на Эльбрус	30
Глава XIII. Водопад. Банкет, данный туземным князьям.	32
Надпись у подножия Эльбруса	
А. Я. Купфер. Доклад, сделанный в Академии наук, о путешествии в окрестности горы Эльбрус на Кавказе, предпринятом по приказу Его Императорского Величества	34
Доклад о путешествии в окрестности горы Эльбрус[8]	35
Исторический рассказ	37
В. А. Потто. На Эльбрусе и Арарате	53
Дуглас Фрешфильд. Исследования Кавказа	61
Глава XI. Из Пари в Пятигорск и восхождение на Эльбрус	62
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кавказ. Выпуск XIV. Покорение Эльбруса

© Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014

© М. и В. Котляровы, составление, 2014

© Ж. А. Шогенова, оформление, 2014

От издательства

Эльбрус... Как великолепен, как величествен и горд, как притягивает взгляд, как манит двуглавый красавец, являющий себя во всей своей божественной красе: нежно-розовый под лучами просыпающегося солнца, ранним утром, ослепительно-белый в полдень, иссиня-черный ночью, когда меж его столбов-вершин, словно в люльке, висит полная луна. О, Эльбрус великолепный, ты само совершенство природы! Как тут не процитировать Эмиля Ленца, одного из участников экспедиции Эммануэля, состоявшейся в 1829 году: «Вспоминается мне блаженный час созерцания первых виденных мною снегов вершин островов Тенерифа. Мнилось совершенством натуральной природы. Майн готт, да они негожи стать даже карлами в свите Эльбруса!».

Населявшие Кавказ народы видели в вершине воплощение величия и мощи, что и отразили в названиях. Только у балкарцев их более тридцати, а самое известное – Минги-тау – тысячная гора. Кабардинцы называют великана *Оихамахо* – гора Счастья, черкесы – *Кускомафь* – гора, приносящая счастье, осетины – *Уро-хox* – Белая гора, персы – *Джинн-падишах* – царь горных духов, грузины – *Ял бузи* – Белоснежная грива... Ни одна из вершин мира не имеет такого множества – около сотни – звучных и гордых названий.

В работах географов древности Эльбрус назван огнедышащей горой. Еще в Средние века двуглавый красавец числился среди действующих вулканов: именно момент извержения запечатлен на карте XVI века, помещенной в «Космографии» Себастиана Мюнстера.

Впрочем, зачем далеко ходить. Расспросите местных жителей – и вам, как о чем-то привычном, не подлежащем сомнениям, расскажут о том, что свидетелями дымящегося Эльбруса были их прапрапрадеды. Поведают, причем в деталях, что пастухи пасли скот на склонах великана, а на его седловине стоял кош. Даже назовут имя чабана, владельца этого самого коша. Сведения эти теряются в поколениях, но главное, что они продолжают жить, а это значит, что Эльбрус, вероятно, был действующим вулканом еще на заре человеческой истории.

Он возник, как пишет Сергей Анисимов, автор книги «От Казбека к Эльбрусу» (1928), «в то время, когда образование гор Большого Кавказа уже оформилось приблизительно в том виде, какими мы знаем их. Они выдавили основание конусов Эльбруса, земная кора дала трещины, сквозь которые вылились на поверхность огромные массы лавы. Лавы Эльбруса не только складывают всю верхнюю часть самой вершины, но распространяются далеко вокруг. Массы изверженных пород можно видеть обнаженными в ущельях всех рек, текущих из ледников Эльбруса.

Из постоянных следов проявления вулканических сил на Эльбрусе надо указать еще следующие. По берегам рек, вытекающих из его ледников – Малка, Кара-Кулак и Сюльтран-Гарасу, – в области его лав выбегает много минеральных источников с обильным выделением углекислого газа. Некоторые из них имеют довольно высокую температуру. На восточном склоне Эльбруса наблюдается выделение в значительных количествах сернистых газов. Это тоже служит несомненным признаком вулканических явлений, происходящих внутри вулкана, ибо газы эти образуются при остывании лав, и при всяких извержениях сернистые газы выбрасываются всеми действующими вулканами.

В наше время Эльбрус представляется глазу самым большим из всех великанов Большого Кавказа, совершенно оцепеневшим под покровом своих снегов и льдов. Его можно сравнить теперь с гордым красавцем, у которого прекрасное, но холодное лицо и огненное сердце, ибо массы расплавленной магмы еще и сейчас не остыли в недрах Эльбруса».

История покорения двуглавого великана полна ярких страниц, это летопись человеческого мужества, отваги, дерзания. Навсегда в нее вписаны имена Киллара Хаширова – первоисходителя, участника знаменитой экспедиции Эммануэля 1829 года, которым и датируется

покорение двуглавого великана, Ахии Соттаева, англичан Флоренса Гроува (Грове) и Дугласа Фрешфильда, русского топографа Андрея Пастухова...

С 1829-го по 1917 год на Эльбрусе побывало 174 русских и иностранных альпиниста. Многие из них оставили свои рассказы о восхождении на высочайшую вершину Европы. Эти записки и воспоминания и составили первый том настоящего издания. Его по праву открывают главы из книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829–1830 гг.» Яноша Бешша, более известного как Жан-Шарль де Бесс – венгерского путешественника и ученого, которому посчастливилось стать участником экспедиции командующего войсками на Кавказской военной линии генерала Эммануэля, предпринявшего в 1829 году обследование окрестностей Эльбруса.

Участником этой экспедиции был и Адольф Яковлевич Купфер – известный ученый (физик, химик, метролог), подготовивший впоследствии «Доклад... о путешествии в окрестностях горы Эльбрус на Кавказе, предпринятом по приказу Его Императорского Величества». Он, как и примыкающие к нему по теме записки известного русского историка В. А. Потто «На Эльбрусе и Арарате», дополняет тему первовосхождения.

Английские альпинисты Дуглас Фрешфильд и Флоренс Кроуфорд Гроув (Грове), известные тем, что первый из них летом 1868 года покорил Восточную вершину Эльбруса, а второй летом 1874 года Западную, оставили нам великолепные образчики подобного рода литературы – книги «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус» и «Холодный Кавказ». Главы из первой были переведены для настоящего издания Игорем Гориславским; главы из второй заново отредактированы.

Русский топограф и альпинист Андрей Васильевич Пастухов стал первым, кто поднялся на обе вершины кавказского исполина. В первом томе публикуются его записки «О восхождении на Эльбрус 31 июня 1890 г.».

Николай Яковлевич Динник – исследователь, навсегда вписавший свое имя в историю изучения Кавказа. Среди его многочисленных книг, посвященных различным уголкам «заповедника мировой истории» (словами В. Миллера), и работа «Эльбрус, его отроги и ущелья», не переиздававшаяся с 1880 года.

И сегодня, спустя более 110 лет после первой и единственной публикации, также не потерял своей актуальности и труд Виталия Михайловича Сысоева «Эльбрус» (1900) – фундаментальный на тот момент свод сведений по геологии, орографии и покорении высочайшей вершины Европы.

По-прежнему с захватывающим интересом читаются записки членов Русского географического общества и Кавказского горного общества: Р. Р. Лейцингера «Поездка в Баксанскую долину и к Эльбрусу», Ф. Дунаевского «Пешком по главному хребту», Г. Абозина «Горная прогулка к горячим нарзанам и ледника Северного склона Эльбруса», Я. Фролова «На вершину Эльбруса», С. Голубева «Пешком из Пятигорска на Эльбрус и через Нахар в Сухум» и «Экспедиции по Центральному Кавказу».

Страницы истории Эльбруса, его покорения людьми, написанные непосредственными участниками событий, запечатлены в этой честной и искренней книге.

Мария и Виктор Котляровы

Высочайшая вершина Европы в справочных изданиях

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона

Эльбрус – высочайшая гора Кавказа, представляет собой громадный горный массив, находящийся не в Главном Кавказском хребте, а в его отроге и отстоящий от гребня Главного хребта на 15 верст. Эльбрус имеет 2 вершины – западную и восточную. Первая достигает высоты 18 470 футов, или 5629 м (находится под $43^{\circ}21'22''$ северной широты и $42^{\circ}6'35''$ восточной долготы), а вторая – 18 347 футов, или 5592 м ($43^{\circ}21'11''$ северной широты и $42^{\circ}7'32''$ восточной долготы); таким образом, Эльбрус превышает Монблан на 2700 футов. Первое определение высоты Эльбруса было сделано в 1813 году академиком Вишневым, который нашел ее равной 17 788 ф; определял высоту Эльбруса в середине прошлого столетия академик Савич с Фуксом и Саблером; по его определению она равняется 18 525 ф. Новейшее определение сделано в 90-х годах. Географическое положение Эльбруса определено по Екатеринодарскому базису. За исключением вершин в Центральной Азии, Эльбрус – высочайшая гора России. Вершины Эльбруса отстоят друг от друга на 400 саженей и отделяются седловиной, которая лежит ниже западной вершины на 310 м. Обе вершины Эльбруса имеют воронкообразную форму с разорванными краями. Это бывшие кратеры. На склонах Эльбруса находятся огромные массы лавы по преимуществу черного и красного цветов. На северном склоне Эльбруса множество черных скал, имеющих самые причудливые формы и состоящих из затвердевшей лавы, напоминающей базальт. Эти скалы рассеяны на пространстве 15 верст в длину и около 3 верст в ширину. Красная лава находится в большом количестве на восточном склоне Эльбруса. На западном склоне его в верховьях реки Кукуртлу-су находится довольно много серы, которая, вероятно, осаждалась на стенах кратера Эльбруса. Период вулканической деятельности Эльбруса совпадал, по мнению Абиха, со временем ледникового периода, когда и Кавказские горы были покрыты громадными ледниками. Эльбрус поднялся позднее Главного хребта, вероятно, в конце третичного периода и сформировался в послетретичную эпоху, когда из недр земли излилась огромная масса вулканических пород (авгитовые андезиты, по Мушкетову). Основание Эльбруса, по словам Г. Абиха, состоит из древнейших кристаллических пород, а также из кристаллических сланцев, которые выступают на поверхность во многих долинах и на горных хребтах, окружающих Эльбрус (на Кубани, Малке и т. д.). Над этими породами лежат громадные застывшие потоки лав Эльбруса, которые тянутся от вершины горы до dna окружающих ее глубоких ущелий и долин. Эльбрус, следовательно, подобно Арарату, Алаизу и Казбеку, принадлежит к потухшим вулканам. Эльбрус покрыт самыми обширными на всем Кавказе снежными полями, которые питают много больших ледников. Величина поверхности Эльбруса, покрытой вечными снегами и ледниками, до сих пор не определена точно. Абих считал ее равной 122 квадратным верстам; в настоящее время принимают ее равной приблизительно 250 квадратным верстам. Высота снежной линии не одинакова в различных частях Эльбруса: на западном склоне она равняется, по Абиху, до 10 923 ф, на восточном – до 10 500, а на северном – 11 233 ф. С Эльбруса спускается не менее 15 ледников 1-го и более полусотни 2-го разряда. Наибольшие ледники Эльбруса уступают, однако, довольно сильно ледникам, находящимся к востоку от него вблизи Дых-тау, Коштан-тау, Шхары и Адай-хоха, а также многим ледникам Сванетии. К наибольшим ледникам Эльбруса относятся Азау (6 верст длиной), Ирик (8 верст длиной), Гара-баши, Терскол, ледники Карачаул, Балк-баши-чиран, Кукуртлю и т. д. На северном склоне Эльбруса ледники спускаются средним числом до 3000 м,

или до 9840 ф н. ур. м., но некоторые из ледников этой горы оканчиваются значительно ниже, например, Азау на 2329 м, или 7644 ф. Ледники Эльбруса в течение полусотни лет находятся в периоде убывания. Этот период начался с 50-х годов прошлого столетия. В 1849 году Абих при посещении ледника Азау видел высокие сосны, которые были опрокинуты наступающим ледником; многие из них лежали на льду или вмерзли в него и имели еще зеленые ветви. С 1883-го по 1894 год ледник Азау, по наблюдениям Россикова, укоротился на 1105 саженей. Большая часть склонов Эльбруса покрыта альпийскими лугами, а более или менее значительные леса растут по ущелью Баксана ниже ледника Азау. У подножия Эльбруса в верховьях Малки находятся углекислые источники. На Эльбрус было совершено довольно много восхождений. Первым взошел на него горец Киллар в 1829 году, когда у подножия Эльбруса стояли русские войска под начальством генерала Эммануэля. В этом восхождении принимали участие академики Купфер и Ленц, а также Менетриэ и Мейер, но они не достигли вершины Эльбруса. 31 июля 1868 года на вершину Эльбруса поднялись члены Английского альпийского клуба Фрешфильд, Мур и Теккер, в 1874 году – Грове, Уоккер и Гардинер. В 1884 году на вершину Эльбруса взошел Мориц Деши, а в 1890 году – известный русский топограф А. В. Пастухов. Он же взошел на вершину Эльбруса второй раз в 1896 году.

В позднейшее время на вершину Эльбруса всходили Мерцбахер и Новицкий.

Н. Динник. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

Большая советская энциклопедия, 1-е издание

ЭЛЬБРУС, наивысшая (5629 м н. ур. м.) вершина Большого Кавказа в Северо-Кавказском крае. Гигантский вулканический конус, сложенный андезитовыми лавами и выдвинутый к северу от водораздельного гребня. Несет на себе мощный ледниковый покров, от которого спускаются в разные стороны 17 перворазрядных и 5 второразрядных ледников, питающих истоки Кубани, Малки и Баксана. Общая площадь вечных снегов и льдов на Эльбрусе около 144 км². Наибольшие ледники: на восточном склоне – Ирик (длина около 8 км), на южном – Азау (7 км). Граница вечного снега для Эльбруса около 3500 м абсолютной высоты на северном склоне, около 3200 м – на южном. Вершина Эльбруса имеет двуглавую форму, представляя, по мнению одних исследователей (Мушкетов, Мерцбахер), огромный разрушенный кратер, по мнению других (Грове, Пастухов, Динник) – два отдельных кратера. Восточная вершина (5592 м) ниже западной; они разделены седловиной около 850 м шириной и 310 м глубиной. Эльбрус – потухший вулкан, действовавший в третичном и послетретичном периодах. Следы вулканической деятельности наблюдаются в ближайших окрестностях Эльбруса в виде выходов горячих источников и газов; к северо-северо-востоку от Эльбруса расположен лакколитовый вулканический район Пятигорья. Большая часть склонов Эльбруса покрыта альпийскими и субальпийскими лугами, служащими летними пастбищами для скотоводов-карачаевцев. Первое восхождение на Эльбрус было предпринято в 1829 году экспедицией академика Купфера; никому не удалось достичь вершины, кроме участвовавшего в восхождении горца Киллара (что, впрочем, тоже не является вполне достоверным). В 1868 году взойшли на Эльбрус английские альпинисты Фрешфильд, Мур и Тукер, в 1874 году – Гров, Уокер и Гардинер, в 1884 году – венгерец Дечи, в 1891 году – немцы Мерцбахер и Пуртчеллер. Из русских исследователей первым поднялся на Эльбрус в 1890 году топограф А. Пастухов, который пробыл около 4 часов на вершине и сделал ее топографическую съемку. В 1896 году Пастухов сделал вторичное восхождение на Эльбрус. Интересное описание восхождения на Эльбрус дано Мерцбахером. Позднее поднимались на Эльбрус ряд других русских и иностранных туристов; в последние годы восхождения на Эльбрус совершались нашими советскими альпинистами, в частности в 1927 году Н. В. Крыленко. Первое массовое восхождение на восточную вершину Эльбруса было совершено в 1925 году группой грузинских альпинистов в составе 19 человек, второе – в 1928 году курсантами Тифлисской кавалерийской школы в составе 17 человек. Летом 1929 года обществом «Советский турист» организован эльбрусский маршрут, причем были устроены базы на Азау (2300 м н. ур. м.), на Кругозоре (3200 м) и на Приюте 11 (около 4200 м). В 1931 году на обеих вершинах Эльбруса было 78 человек, в 1932-м – 34 человека (уменьшение вызвано неблагоприятными условиями погоды). В настоящее время Эльбрус стал горным учебным пунктом Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма. Туда направляются группы рабочих туристов под врачебным наблюдением. Маршрут от Кисловодска до Приюта 11 – 120 км. Подъем на Эльбрус при хорошей погоде не представляет особых трудностей, но требует выносливости к горной болезни; при часто свирепствующих на Эльбрусе снежных бурях восхождение становится очень опасным.

Большая советская энциклопедия, 2-е издание

ЭЛЬБРУС – высочайшая вершина Кавказа, в центральной части Большого Кавказа, на отрезке Бокового хребта. Представляет собой двухвершинный конус потухшего вулкана, сложенного андезитовыми лавами. Высота снеговой границы 3200–3500 м. Большая часть склонов покрыта лугами. Высота западной вершины – 5633 м, восточной – 5595 м; разделяющая их седловина имеет высоту около 5350 м.

Эльбрус покрыт фирновой шапкой, от которой в стороны опускаются многочисленные (более 50) ледники: Ирик, Азау, Терскол и др., питающие истоки Кубани, Малки, Баксана. Площадь оледенения 144 км². Впервые в 1829 году восточной вершины Эльбруса достиг кабардинец Киллар – проводник академической экспедиции А. Я. Купфера, когда русские войска под начальством генерала Г. А. Эммануэля стояли под Эльбрусом; на западную вершину поднялись впервые в 1874 году английские альпинисты Грове, Уоккер, Гардинер и Кнубель. Топографическую съемку района Эльбруса впервые произвел военный топограф А. В. Пастухов (см.) в 1890 году. Эльбрус является одним из центров альпинизма и туризма на Кавказе.

М., 1957. Т. 49.

Большая советская энциклопедия, 3-е издание

Эльбрус (*каб.* – Ошхамахо, *балк.* – Минги-тау) – высочайший горный массив Большого Кавказа, в системе Бокового хребта. Представляет собой сложенный в основном андезитами конус потухшего вулкана на высоком цоколе из гранитов и кристаллических сланцев. Западная вершина (5645 м) и восточная (5621 м) разделены глубокой седловиной (5325 м). Эльбрус покрыт шапкой фирна и льда, от которой в стороны спускаются 54 ледника (крупнейшие – Большой Азау, Ирик, Терскол). Площадь современного оледенения 134,5 км². Возле Эльбруса, в верховье реки Баксан – лаборатория лавин и селей МГУ.

Впервые восточная вершина Эльбруса достигнута (1829) проводником русской экспедиции К. Хашировым (кабардинец), западная – английскими альпинистами во главе с Ф. Грове (1874) и проводником А. Соттаевым (балкарец). В годы советской власти Приэльбрусье стало районом массовых восхождений-альпиниад, крупнейшая из которых (1967) имела 2400 участников.

Приэльбрусье – один из крупных центров горнолыжного спорта и туризма. Функционируют (1978) 6 турбаз: в районе поселков Терскол, Эльбрус, Тегенекли; высокогорные приюты, в т. ч. на северном склоне Эльбруса («Приют 11», «105-й пикет»), на озере Донгузорун, в долине реки Юсенги; 8 альплагерей. На горе Чегет построены канатно-кресельные дороги на высоте 2719 м и 3040 м. Канатно-маятниковые дороги имеются от поляны Азау (2340 м) на «Старый Кругозор» (2970 м) и до станции «Мир» (3450 м). На станции «Старый Кругозор» – Музей боевой славы защитников Эльбруса и Кавказских перевалов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

М., 1978. Т. 30.

Большой российский энциклопедический словарь

Эльбрус, высочайший массив Большого Кавказа (в Боковом хребте). Двухвершинный конус потухшего вулкана. Высота западной вершины 5642 м, восточной – 5621 м. Ледники (общая площадь 134,5 км²); наиболее известные – Большой и Малый Азау, Терскол. Приэльбрусье – один из крупных центров альпинизма и горнолыжного спорта России.

М., 2009.

Кавказские легенды об Эльбрусе

Эльбрус является предметом легенд еще с самой глубокой незапамятной древности. Известна легенда о Прометее, которого приковали по воле Зевса к скале Эльбруса. Для древних греков Прометей был одним из титанов, побежденных Зевсом. С олимпийскими богами он был во вражде, как друг и покровитель людей, для которых тайно похитил огонь из очага Гефеста на Лемносе. Таким образом, Прометей сделался для человечества благодетелем, так как знакомство с употреблением огня дало людям возможность развиваться, совершенствоваться. За это он и был наказан отцом богов. Орел Зевса ежедневно терзал печень прикованного страдальца, пока Геракл не убил орла. Эта знаменитая греческая легенда о Прометее имеет очень много схожих откликов в преданиях об Эльбрусе.

Исследователю кавказского эпоса в этом отношении крайне любопытно было бы путем сравнения этих легенд и преданий при историческом освещении их решить вопрос об источнике древнегреческого предания. В кавказском народном эпосе роль Прометея играет богатырь, смело дерзнувший проникнуть на вершину Эльбруса, чтобы узнать ее вековую тайну. Властитель горы, бессмертный Тха, за этот дерзкий поступок приковал смельчака длинной и тяжелой цепью к скале. Шли годы за годами, богатырь оставался прикованным. Много лет прошло, и эти годы состарили богатыря. Из молодого безусого юноши он превратился в старика с длинной седой бородой, по цвету похожей на ледник Эльбруса. Согнулось его некогда могучее тело, и гордое лицо покрылось морщинами. Тха не удовольствовался этими мучениями его. Подобно Зевсу, он послал хищную птицу, чтобы она клевала его сердце. Легенда идет дальше в подробностях описания мучений страдальца, чем греческое сказание о Прометее. Из-под ног страдальца бежит родник чистой воды. Эта вода имеет чудесную силу; она похожа на живую воду наших русских сказок. Кто напьется ее, тот будет жить до конца света. И когда страдалец, мучимый жаждой, наклоняется, чтобы испить из родника немного воды, хищная птица, предупреждая его желания, бросается раньше его и выпивает воду.

Богатырь, добавляет легенда, не вечно будет мучаться. Тха, рассердившись на людей, освободит богатыря. Горе тогда будет грешным детям Адама. Богатырь отомстит им за свои многовековые страдания. Такова общая схема сказания, записанного Л. Г. Лопатинским. В кабардинских и других легендах этот сюжет варьируется различно, с некоторыми изменениями. Другая легенда, слышанная нами, говорит следующее: на снеговой вершине Эльбруса целые тысячелетия лежит громадный камень – скала. На нем сидит старик с длинной до ног бородой. Все тело его сгорбленное, дряхлое, обросло седыми волосами. На руках и ногах выросли длинные ногти, похожие на когти орла. Его прекрасные глаза, когда он бодрствует, горят, как угли. Его шею давит тяжелая огромная цепь, его руки, ноги и тело скованы цепями. С далекой древности он сидит на скале, прикованным за то, что хотел свергнуть великого Бога (Тха). Никто из людей не может видеть страдальца. Все смельчаки погибали. От сильных страданий старик впал в тяжкое оцепенение. Иногда он пробуждается от сна и спрашивает своих сторожей: «Растет ли на земле камыш и родятся ли ягнята?» Великан осужден томиться до тех пор, пока будет расти на земле камыш и будут родиться ягнята. Когда стражи отвечают ему, что еще на земле есть камыш и ягнята, он с отчаянием рвет на себе тяжелые оковы; земля дрожит от его усилий, звук цепей родит гром и молнию в горах, тяжелое дыхание узника несется по ущельям и склонам гор порывистым ураганом, стоны вызывают подземный гул, а из слез образуется быстрый бурный ручей, который сбегает к подножию Эльбруса. Очевидно, этот рассказ тоже измененный миф о Прометее. И в других легендах мы находим его же с некоторыми подробностями.

В этих легендах отразилось державшееся среди народа мнение, что добраться до вершины Эльбруса немислимо. Смелчак, отважившийся на это дело, должен поплатиться страданиями и смертью. Могущественный властелин горы мстит за это.

Много существует у обывателей Кавказа преданий об Эльбрусе, кроме вышеприведенных. Эльбрус – великан Кавказских гор, которого долгое время считали величайшим в мире, издавна приковывал внимание и взоры кавказских горцев. Татары называли его «единственной из тысячи гор», черкесы-кабардинцы – «горой блаженных», «троном Властителя вселенной и царя духов». Уже одни эти названия говорят о том глубоком уважении, которое питают кавказские жители к этой горе.

Многие сложившиеся в народе предания записаны и послужили благодаря своей художественности темой для целых поэм. В памяти кавказских горцев сохраняется еще больше никем не записанных легенд об Эльбрусе. На вершине Эльбруса, говорит одна из подобных легенд, живет уже много тысячелетий огромная серая птица по имени Симвург. Одним своим глазом она видит все прошедшее, другим – все будущее. Когда она на своих огромных крыльях поднимается вверх, земля вздрагивает от могучих взмахов, в горах поднимается буря, а море закипает волнами. Когда с вечно-снежного трона Симвурга раздаются жалобные стоны, вся природа выражает сочувствие: в лесах умолкают птицы, в полях цветы опускают свои головки, в каменистых ущельях сердито ропщут потоки, и вершина Эльбруса скрывается облаками. Но бывает, когда с вершины горы несутся гармонические райские звуки, тогда яснее небо и блещет глубокой синевой, на белой вершине Эльбруса бриллиантами горят солнечные лучи, расцветают полевые цветки, щебечут птицы, и весело бегут горные потоки.

Оригинально осетинское предание, послужившее темой рассказа для В. С. Соловьева. Пастух Бессо, бродя по неприступным горам, был поражен глубоким стоном. В это время поднявшийся вихрь перебросил его в пещеру, полную сказочными богатствами. Среди золота, серебра извивался в мучительных судорогах красавец, прикованный тяжелой цепью к утесу. Черный громадный коршун сидел у него на ребрах, терзая его внутренности. Узник старался достать рукой конец цепи, висевшей на противоположной стене пещеры, но не мог... Века, бесконечные века рвался он к ней, чтобы с ее помощью разорвать оковы и уничтожить злобного коршуна. Бессо старается помочь ему: подает цепь. Но она оказывается слишком короткой...

Тогда он идет в свой аул. Целые дни и ночи кует цепь. Когда последняя была готова, Бессо втихомолку отправляется в горы. Хитрые осетины, думая, что он нашел в горах клад, пробираются за ним следом.

В конце концов они, утомленные долгими странствованиями с горы на гору, между утесами и сводами, окружают Бессо и с угрозами требуют сейчас же указать им клад.

Бессо, горько плача, ведет их к таинственной пещере.

В это время в горах раздается страшный треск: скала, к которой они шли, колеблется и падает в бездонную пропасть...

Таковы приблизительно и другие предания горцев об этой горе. У осетин же пишущему эти строки приходилось слышать объяснение причины обвалов и землетрясений, основанное на подобной же легенде. К скалам Эльбруса прикован громадный великан тяжелыми цепями. Когда он в припадке отчаяния со всей силой потрясает цепями, – дрожат горы, колеблется земля, обрушиваются скалы...

По верованию грузин, на Эльбрусе (груз. Ялбус) томится богатырь Амиран. Вместе с этим узником в темной пещере находится собака, которая без усталости лижет оковы своего господина.

В тех же грузинских преданиях об Эльбрусе мы находим любопытное объяснение происхождения двух вершин Эльбруса. Дело в том, что, когда по окончании потопа стала убывать вода, плывший ковчег Ноя зацепился за вершину горы... Удар ковчега был до того силен, что вершина Эльбруса раскололась надвое.

Подобную же библейскую окраску носит и слышанная нами легенда, что с вершины Эльбруса можно видеть рай. Зрелище последнего до того прекрасно, что человек уже не хочет после этого глядеть ни на что земное: он теряет зрение. Кто будет спрашивать его, тому он не в силах будет рассказать, потому что на человеческом языке нет подходящих для этого слов. По кабардинскому преданию, на Эльбрусе обитает Джинн-падишах, царь духов и властитель птиц, который обладает чудесным даром предугадывать будущее. Он тоже в чем-то провинился перед Тха и знает, что тот, в наказание ему, пришлет из полных стран страшных великанов, которые покорят его мрачное заоблачное царство. В мучительной тревоге по временам седовласый старец поднимается со своего ледяного трона и зовет со всех высей и из пропастей Кавказа полчища духов против этих великанов. От их полета трясется земля, от ударов крыльев поднимается буря, бушует море, вянут цветы, поднимаются потоки, горы одеваются туманом, трясутся и стонут скалы, гремит гром и все покрывается туманом. Грозный старик угрюмо глядит со своего трона в далекое будущее и ждет великанов.

Перед каждым Новым годом многие из кабардинцев считают своей обязанностью идти на поклонение к Джинн-падишаху. Исполнившего этот обряд до следующего года не будут преследовать несчастья. Его не возьмет ни пуля, ни шашка: ему все удастся. Но так как до Эльбруса добраться нельзя, то ходят обыкновенно к урочищу Татар-туп, на западном берегу Терека. Это сказание о приходе великанов из стран полуночи имеет свое политическое основание. Великаны – это русские, которые завоевали Кавказ. Интересно с этим сказанием сопоставить оригинальное предсказание Корана о Гоге и Магоге, живущих по ту сторону Кавказских гор, которые некогда перейдут через эту стену и уничтожат царство правоверных.

Для мусульман Кавказа это предсказание уже исполнилось.

Среди мусульман же приходилось слышать твердо выраженное убеждение в том, что через ущелья Эльбруса идут ворота в страну духов Джиннистан, где обитают вечно юные очаровательные девы.

Каждый народ населял Эльбрус предметами своей фантазии. Рассказывают про крымского хана Шагин-Гирея, который хотел побывать на вершине Эльбруса. Когда, после долгого восхождения, он приближался к заветной цели, вещий голос богатыря, обитателя этой горы, заставил его вернуться обратно.

В многочисленных преданиях рассказывается об этом вещем голосе, предостерегающем людей от восхождения на вершину Эльбруса. Пастухи и охотники являются носителями подобных легенд. Среди них и до сих пор сохранился культ этого властелина горы. Он властвует и своим царстве, он посылает снег и метели, низвергает сверху снежные и каменные обвалы. Горе тем, кто неосторожно или опрометчиво приблизится к границе его владений. Многие еще и теперь рассказывают, что слышали его голос...

Карачаевцы (жители верхнего течения Кубани) рассказывают в своих легендах, что на Эльбрусе вырос нарт Генджакешуай. Отец его, Алаугав, уронил со своего коня мальчика. Мальчик кормился ледяными грудями. Может быть, что последний образ легенды объясняется тем, что двойная вершина Эльбруса похожа на женские груди.

Ни один смертный не может без вреда для себя проникнуть на вершину этой горы, говорят карачаевцы: вершина горы не должна быть попираема ногой человека. Все эти легенды имеют свое основание в тех громадных трудностях, с какими сопряжено восхождение на Эльбрус. Ученая экспедиция, состоящая из Купфера, Ленца, Мейера и Менетриэ, в 1829 году поднималась на вершину горы, но только Ленц достиг высоты 14 800 футов. Сопровождавший экспедицию черкес Киллар взошел на вершину горы.

В июле 1868 года члены Лондонского альпийского клуба поднялись на восточный кратер Эльбруса.

Русский топограф Пастухов дважды поднимался на Эльбрус, но при этом едва не погиб.

Кабардинцы и черкесы не верят этим восхождениям и доселе скептически утверждают, что это неправда: дух, владетель горы, не допустит смертного в свое царство.

Таково убеждение горцев-нехристиан.

Под христианским, очевидно, влиянием сложился другой рассказ, что только двое людей, чистых телом и душой, были на вершине Эльбруса. Один священник и его сын посетили это священное место, где пребывает сам Бог. Отец погиб при возвращении, а сын вернулся с куском какого-то невиданного дерева, лоскутом материи от шатра Авраама, который разбит на вершине горы... Лучше этой материи никто не видал. В шатре – ясли, которые поддерживает невидимая рука. В яслях он видел младенца, а около него лежат несметные сокровища. Около шатра растет невиданное дерево и пшеница, зерно которой величиной в четверть. Несколько таких зерен и было принесено вернувшимся сыном. Подошвы его оказались убранными серебряными монетами, приставшими к ним. Все эти сокровища были отправлены к царю.

Легенду эту пришлось слышать пишущему эти строки от старого горца. Тот же горец рассказывал, что на верху горы в недоступных почти местах существуют таинственные мрачные монастыри, где жили благочестивые старцы. Много отважных смельчаков пыталось дойти до них, но лишь только достигали до известной черты, их останавливала невидимая сила, на них нападал страх, или же поднималась страшная буря, и они должны были вернуться назад. Жила одна смелая девушка, которая и достигла вырубленных в скале келий и проникла в святую обитель старцев. Иноки затворились в своих кельях и не пустили ее, но самый младший из них, не выдержав искушения, впустил ее. За это Бог отнял у них даже солнечный луч, и долго-долго молились старцы, пока Господь не сжалился над ними и не взял их на небо к себе. Там они засияли в созвездии Большой Медведицы, а пещеры, оставшиеся среди вечных снегов, глядят черными щелями мрачные, одинокие.

Вышеприведенные легенды намечают несколько типов сказаний; об Эльбрусе существует много и других легенд, которые интересующемуся этнографу дадут целый материал.

Величественная и грозная природа Кавказа и ее необъяснимые для ума горцев явления создали множество самых разнообразных сказаний. И почти каждая речка и каждое ущелье имеют своих духов и богинь; пылкое воображение горцев наделило горы бесчисленным множеством сверхъестественных таинственных обитателей и создало массу легенд.

Для этнографа Кавказ дает такой богатый материал в этом отношении, что иногда становится жалко при мысли о том, как много подобных ценных сказаний ускользнуло от записи, может быть, навсегда.

Фарфоровский С. Кавказские легенды об Эльбрусе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38.

Окр. Кисловодска Тора Эльбрусъ съ Бермамытскихъ скаль.

Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.

Янош Бешш, более известный как *Жан-Шарль де Бесс* (1799 – после 1838) – венгерский путешественник и ученый, занимавшийся изучением этногенеза и древней истории венгров. В 1829 году предпринял поездку на Северный Кавказ в поисках следов пребывания предков венгров на этой территории, во время которой побывал в Крыму, на Кавказе. Оказавшись в Ставрополе, узнал, что командующий войсками на Кавказской военной линии генерал Эммануэль организовал экспедицию с целью восхождения на Эльбрус. Бесс присоединился к экспедиции и впоследствии написал книгу «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», которую издал в Париже в 1838 году на французском языке. Главы из нее для нашего издательства перевел на русский язык Игорь Гориславский.

Глава VII. Экспедиция на Эльбрус

Так как нам предстоял долгий путь верхом на лошадях и переход через крутые горы, я накрыл чехлом свою коляску и вещи и оставил все в Горячеводске. Я выехал 2 июня, не беря с собой ничего из съестных припасов, дабы они не обременяли меня постоянно.

Благорасположение генерала избавило меня от этих трудностей, ибо он сообщил письмом своей супруге, что я буду среди его спутников, в числе которых уже было четверо академиков, прибывших из Санкт-Петербурга.

Успокоившись по этому поводу, я отправился в дорогу в 5 часов вечера с эскортом казаков. С невероятной скоростью мы прибыли в Боргустан – хорошо укрепленный казачий пост, защищенный от нападения горцев. Сменив лошадей и эскорт, мы направились в Кисловодск, где были кислые минеральные воды. Эта местность находится у подножия возвышенностей, которые входят в Кавказский хребет между Черным и Каспийским морями.

Ночь застала нас в нескольких верстах от Кисловодска. А когда мы въезжали в горы, то увидели большие облака, собирающиеся над нашими головами, и скоро темнота стала такой густой, что мы не смогли бы продвигаться по дороге, если бы не множество молний. Наши лошади в самом деле были напуганы ужасным громом, который раздавался с грохотом, удвоенным эхом гор, окружавших нас со всех сторон.

Какой божественный спектакль, какое наслаждение для меня, с детства с невыразимым удовольствием слушавшего раскаты грома. Грудь расширялась, дыхание становилось более свободным, и тогда я считал себя счастливым, хотя настоящее счастье осталось мною неизвестным в течение моей долгой и тяжелой от трудов жизни.

Этот небесный гнев, грозивший нам, напомнил мне сказание, так часто повторяемое горцами и многими путешественниками, в котором Эльбрус якобы был недоступным и священным для всех смертных.

Было уже 10 часов вечера, когда мы прибыли в Кисловодск, преодолев 45 верст за 5 часов. В темноте приходилось искать извилистую дорогу, ведущую в форт. Мы подъехали к шлагбауму. У меня было письмо, или, точнее, приказ для коменданта. Одного из наших казаков пустили к коменданту, который приказал немедленно открыть шлагбаум, принял меня дружески и отдал приказ постелить мне очень чистую постель и предложил на ужин несколько галет и стакан вина.

На рассвете следующего дня я сел в седло, окруженный эскортом из двух десятков казаков. Безопасность путешествия без внушительного сопровождения была бы под угрозой, поскольку справа была Малая Абазия, а слева – Большая Кабарда, населенные народами, независимыми, воинственными и склонными к грабежу.

Выезжая из Кисловодска, мы сразу же начали преодолевать высокие горы по узким тропинкам и краям пропастей, которые только и ждут, как бы вас поглотить. Подъем и спуски весьма утомляют: дороги по ним представляют собой внушительное нагромождение скал, закрывающих красоты, которые мы хотели бы тщательно рассмотреть. Но продвижение по этим каменистым тропам было лишь прелюдией к тому, что нам предстояло через несколько дней – приблизиться к проходу, такому жуткому, что мы по праву назвали его Железными воротами.

Проехав утром 40 верст, мы добрались до стоянки экспедиции к 11 часам. Лагерь располагался на плоскости у входа в ущелье, называемое Хасаут, которое находится на высоте от 6 до 7 тысяч футов над уровнем моря. Кибитки¹ были установлены полукругом; они стояли перед палатками офицеров войск Линии и казаков. Одна из кибиток была занята генералом и

---

¹ Господин Клапрот описал в своей работе форму и строение кибитки очень точно. Воспользуемся его словами.

его четырнадцатилетним сыном, вторая – была предусмотрена для академиков и архитектора. Благодаря доброте генерала, меня поместили с этими господами в той же кибитке. Третья была предназначена для штабных офицеров.

Шестьсот пехотинцев не имели палаток, с двумя пушками они расположились сторожевыми постами в разных местах.

Русский солдат, привыкший к усталости и непогоде, вместо того чтобы отдыхать после тяжелого похода, бегаёт то направо, то налево, собирает ветки и строит укрытие от палящих лучей солнца и дождя.

Четыреста казаков в поисках пастбищ разошлись по холмам для выпаса лошадей, которые разлеглись в травах, достигавших колена и бывших отличным кормом. Лагерь выглядел очень красиво.

Генерал отошел от лагеря чуть раньше, чтобы исследовать соседнюю гору и осмотреть окрестности. По словам местных жителей, здесь находилась шахта свинцовой руды. Ее, в самом деле, нашли и позже принесли образцы, правда, с других гор, немного отдаленных.

Генерал вернулся после полудня, сердечно меня принял и не переставал выказывать мне свое благорасположение до последнего момента моего пребывания на Кавказской линии. С удовольствием должен признать, что я обязан таким приемом рекомендации его уважаемых родственников, живущих в Вершице, в Венгрии, откуда генерал родом.

Этот достойный человек также привержен своему монарху и новой родине, как и обожает страну, откуда родом. Выходец из дворянской семьи, он провел первые годы службы в австрийской армии, где и заслужил золотую медаль. Затем в поисках лучшей доли или, скорее, ведомый судьбой – всегда неумолимой и неизбежной, – он вступил в гвардию, где служили венгерские дворяне. Однако, несмотря на все попытки, избежать так называемого жизненного жребия не удалось: пришлось покинуть австрийскую службу, свою родину и вступить в армию императора Павла, где он быстро дослужился до чина полковника. Характер этого генерала образцовый и достоин высокого уважения. Чтобы оставить неизгладимый след сыновней нежности на своей родине, он возвел мавзолей из мрамора у входа во двор Вершитской церкви: там покоится прах его родителей.

Четверо академиков, присланных императором Николаем для исследования Кавказа, были господа: А. Купфер, член Санкт-Петербургской академии наук; Э. Ленц, адъютант Академии наук; Э. Менетрие, хранитель Зоологического музея Академии наук; К. Мейер, доктор философии. Штабные офицеры были: кавалер Зельмих, полковник, помощник генерала; подполковник Ушаков, командующий фортом Нальчик и соединениями экспедиции; Щербатов, офицер обоза; кавалер Земки, офицер-медик, и Жозеф Бернардацци – итальянец по происхождению², архитектор Горячих Вод.

Кибитка – изобретение калмыков и других кочевников. Эти передвижные дома превосходят все известные в Европе и Азии палатки по ряду показателей. Кибитка легко переносится, ее можно сложить или развернуть за короткое время. Остов кибитки состоит из деревянных реек, соединенных в форме оплетки и поддерживаемых деревянными подпорками. Поставленная таким образом в сухом месте, она имеет форму улья. Затем каркас накрывают войлоком, не пропускающим воздух и влагу. Калмыки окружают кибитку канавкой, чтобы в нее не проникала вода. Входная дверь сделана из дранки высотой 4 фута, которая снаружи также покрыта войлоком. Внутри кибитка имеет от 6 до 12 футов в диаметре, в зависимости от ранга ее занимающего. Огонь разводится в центре, дым выходит вверх, в отверстие, которое закрывают, если огонь не разводят.

---

² Джузеппе (Иосиф – по документам на русской службе) Бернардацци – не итальянец, а швейцарец из италоязычного кантона Тичино, селения Памбио. – *Примеч. пер.*

Если имеются ковры, подобные видимым мною у кочевников-татар, ими можно накрыть весь пол внутри, чтобы избежать проникновения в кибитку влаги от земли, и вы верно окажитесь в татарском доме. В степях, населенных татарами и ногайцами, такие кибитки еще лучше ухожены и лучше устроены, чем те, которыми пользовались в нашей экспедиции.

Глава VIII. Тревога среди горцев при нашем приближении

С приближением экспедиции жители соседних гор, встревоженные видом войск, направили депутацию, чтобы узнать о цели этих военных приготовлений. Первыми представились карачаевцы, сопровождаемые муллой; вскоре их успокоила ласковая, дружественная и располагающая манера поведения генерала. Эти депутаты более не покидали нас: ограничившись тем, что отправлен назад мулла с поручением успокоить пославших их, они сопровождали нас до границ своей территории.

Я беседовал с ними в присутствии толмача экспедиции, который говорил по-русски и по-турецки, хотя сам был по происхождению из черкесов. Я немало подивился той радости, которую они проявили, узнав, что я – мадьяр и что моей целью являются розыски колыбели моих предков; но еще больше меня поразили их заверения в том, что они вовсе не принадлежат к племени древних мадьяр, что, по преданиям, когда-то они занимали плодородные земли от Азова до Дербента. Они добавили, что их нация проживала за Кубанью, в степях, занятых ныне казаками-черноморцами; что в те времена они соседствовали с могущественным народом, который угнетал их и требовал с них дань в виде одной белой коровы с черной головой или, за неимением таковой, трех обычных коров с каждой семьи, что, измученные поборами соседей, они решили перейти на левый берег Кубани и укрыться в неприступных горах, чтобы вести там независимое существование; что, наконец, они пришли к нынешним местам своего пребывания, предводительствуемые вождем по имени Карачай; от него вся их народность приняла самоназвание и сохраняет его до сих пор, хотя семейство Карачай уже угасло. Они сказали далее, что в трех днях пути от нашего лагеря есть пять деревень, или народностей, которые происходят от мадьярского корня, – это Орусписе (Orouspie), Бизинги (Bizinghi), Хулам (Khouliam), Балкар (Balkar) и Дугур (Dougour); что эти народности говорят на языке, совершенно отличающемся от языка других обитателей Кавказа, что они проживают в самых возвышенных горах и поддерживают связи с соседями – осетинами и имеретинцами.

Во время наших бесед с карачаевцами, чтобы сделать им приятное, я сказал, что в Венгрии есть семейство с таким же именем. Генерал Карачай служил в армии австрийского императора, нашего нынешнего государя, и, возможно, это венгерское семейство связано кровным родством с их древним вождем Карачаем. При этих словах я заметил, как они переглянулись между собой с обеспокоенным видом, а затем неожиданно покинули нас, не попрощавшись с присутствующими; лишь через несколько часов я узнал причину их тревоги.

Толмач генерала, который присутствовал при наших беседах, отправился сообщить ему, что карачаевцы, покинув мою кибитку, принялись совещаться между собой, выказывая признаки величайшей обеспокоенности; чтобы узнать причину их жестикюляции и перешептывания, он приблизился к ним и вскоре понял, что их дебаты касались того страха, который вызывало у них мое появление в такой близости от их территории, так как, судя по тому, что я сказал, моей целью может быть не что иное, как требовать наследство семейства Карачай в пользу Карачаев из Венгрии. Он прибавил, что мои речи породили подобное подозрение у депутатов и что необходимо рассеять их заблуждения. Генерала этот рассказ весьма позабавил, и он просил меня больше не говорить с ними на эту тему, но постараться объяснить их ошибку, что я сделал спустя какое-то время, навестив их в палатке. Они казались весьма удовлетворенными тем объяснением, которое я дал своим предыдущим высказываниям, а также моим проявлениям дружбы по отношению к ним, поскольку через несколько часов они нанесли мне повторный визит и, спокойно попивая чай, снова отрицали, что мы суть соотечественники; с этого момента они непрестанно называли меня «кардаш» (*kardache* – друг по-карачаевски) и пожимали мне руку при каждой встрече.

По этому поводу старшина орусбиев, Мурза-Кул, – русские называли его «князь», – несмотря на свой почтенный возраст, бодрый и крепкий старик, рассказывал мне следующую историю, которую, по его словам, он слышал из уст отца и многих старейшин своего племени, пересказывавших ее всякий раз, когда речь заходила об их предках, мадьярах, господствовавших, еще раз повторил он, в этом крае от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа, вплоть до побережья Черного моря.

Легендарная история мадьярского князя

«Жил когда-то, – начал свой рассказ Мурза-Кул, – молодой мадьяр, сын вождя, правившего страной, протянувшейся до Черного моря; звали его Тума-Мариен-хан. Этот молодой человек страстно любил охоту. Как-то раз, увлеченный любимым занятием в компании молодых людей, он преследовал зверя до самого берега Черного моря и заметил на некотором расстоянии маленький корабль, украшенный флагами и вымпелами, развевавшимися на ветру. Корабль, гонимый к берегу легким бризом, мало-помалу приближался, и Тума-Мариен тоже направился вместе со своими спутниками к берегу; каково же было их удивление, когда они увидели на палубе одних только женщин, одетых в богатые одежды и знаками умолявших о помощи. Молодой князь тотчас же приказал прикрепить конец бечевки к стреле, которую пустил так удачно, что она упала прямо у ног женщин; они схватили ее, привязали к хрупкой мачте своего суденышка, охотники же, ухватившись за другой конец веревки, в мгновение ока выволокли корабль на сушу.

Князь помог спуститься на берег одной из девушек, к которой ее спутницы, по всей видимости, питали большое уважение; он смотрел на нее с обожанием, не в силах вымолвить ни слова – столь глубокое впечатление на него произвела необычайная красота чужестранки. Затем, оправившись от своего удивления, он проводил ее вместе со спутницами в резиденцию своего отца, который, узнав о высоком рождении молодой особы и ее историю, согласился женить на ней своего сына.

Вот удивительная история этой молодой чужестранки: ее звали Амелия, и она была дочерью греческого императора, правившего в то время Византией. Этот своенравный монарх приказал воспитывать свою дочь в одиночестве на одном из островов Мраморного моря под наблюдением почтенной женщины; четырнадцать молодых девушек было у нее в услужении, и монарх строго-настрого запретил дуэнье, чтобы к его дочери когда бы то ни было приближался какой бы то ни был мужчина.

Принцесса становилась с каждым днем все прекраснее и приобретала все более невыразимое обаяние; ее прелесть в сочетании с невинностью и добротой вызвали обожание со стороны ее спутниц по изгнанию.

Однажды, когда принцесса спала на диване под открытым пологом, лучи солнца, как никогда яркие в тот день, проникли в ее ложе – и произошло чудо: принцесса оказалась на сносях. Беременность не могла долго оставаться незамеченной ее отцом; оскорбление чести привело императора в страшный гнев. Чтобы скрыть бесчестье от своих подданных и не давать повода для разговоров об императорском семействе, он принял решение убрать дочь с глаз всего света, изгнав ее за пределы империи. С этой целью он приказал построить маленький корабль, нагрузить его золотом и бриллиантами, посадить на него свою дочь с ее служанками и дуэньей и отдать эти невинные существа на волю ветра и волн. Однако море, всегда столь гневно обрушивавшееся на непрошенных возмутителей спокойствия его вод, смилостивилось к принцессе, и легкий ветерок погнал кораблик к гостеприимным берегам мадьяр.

Принцесса не замедлила разрешиться от бремени сыном, а вслед затем подарила своему супругу Тума-Мариен-хану двух других сыновей. После смерти отца молодой князь стал наследником и прожил счастливую жизнь. Он воспитал первого своего сына от принцессы

Амелии под родительским надзором. Перед смертью он приказал сыновьям жить в союзе и мире; но они, став хозяевами после кончины отца, поссорились из-за престола, и разгорелась междоусобная война.

Эта смута среди мадьяр привела к разрушениям и расколу внутри этой некогда свободной и могущественной нации, от которой, – со вздохом прибавил рассказчик, – у нас сохранились лишь воспоминания о ее былом величии, воспоминания, которые мы храним среди этих скал, превращенных нами в убежище нашей независимости, единственного наследия наших отцов, ради которых мы и наши дети всегда готовы отдать жизнь» – так закончил этот интересный старик свой рассказ, сопровождавшийся исключительно уместной жестикой.

Хотя я едва понимал его слова, но с особым интересом слушал его рассказ, постепенно переводимый на турецкий язык. Мурза-Кул вел рассказ с легкостью и живостью, очаровавшей слушателей. Что касается меня, то я затруднился бы передать те ощущения, которые породил во мне рассказ князя, ставшего с того момента объектом моего пристального внимания. Этот приятный старик не покидал нас до самого Эльбруса.

Карачаевцы во главе со своим «вэли»³ Исламом Керим-Шовхали также сопровождали экспедицию. Все эти люди были чисто одеты на черкесский манер, в костюмы, которые были переняты не только всеми жителями Кавказа, но также и казачьими офицерами на Линии. Они превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать, не только лихо, но и с изяществом; они очень ловкие и прекрасные стрелки.

Эти люди отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью стана. Я заметил, что в этом отношении никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дугуры, которых я встречал позже в Нальчике... У них татарский язык и магометанская религия, которую они исповедуют кому как нравится, за исключением молодежи, скрупулезно соблюдающей все обряды. Я думаю, сделать из них новообращенных не составило бы большого труда.

Многоженство дозволено, но у них редко бывает больше одной жены. Они имеют репутацию хороших мужей и хороших отцов. К тому же их не следует рассматривать как полуварваров: они выказывают достаточно много ума, легко воспринимают привнесенные извне искусства и их, кажется, трудно чем-либо поразить. Я заметил, что у мужчин ноги маленькие и правильной формы, что должно быть отнесено за счет легкой обуви без каблучков и их привычки мало ходить пешком и почти всегда быть верхом на лошади.

Земля в их краю – одна из самых хороших и плодородных, она дает пшеницу, ячмень и особенно просо; травы вырастают там до высоты почти в два фута и их более чем достаточно для корма скота. В этой стране прекрасные и обширные леса, где водится много животных; в их числе можно отметить куницу и дикую кошку, мех которых высоко ценится. Склоны и долины орошаются тысячей различных источников, освежающих зелень и умеряющих летнюю жару.

Карачаевцы разводят лошадей прекрасной породы; среди них есть такие, которые в Европе стоили бы до двух тысяч франков⁴. В большом количестве там водятся волы и овцы. Как правило, жители питаются бараниной; они также выделывают весьма хорошего качества масло и сыр.

---

³ Вали (князь) – титул, присваиваемый исключительно карачаевским старшинам.

⁴ Господин Клапрот утверждал, со слов наемных толмачей, что в этих краях лошади низкорослые; в действительности же лошади здесь обычно того роста, который пригоден для использования в легкой кавалерии. Кстати, они легки на ходу, и я не знаю другой породы лошадей, которая была бы более подходящей для езды по крутым скалистым склонам и более неутомимой.

Глава IX. Туземный князь в русском лагере

С тех пор как в крепости Нальчик устроили школу для туземных детей, многие старшины ближайших к форту народов стали посылать сюда своих детей для обучения чтению, письму и разговорному русскому. Среди этих детей более выделялись карачаевские и дудурские чада, особенно первые, ибо, верно говоря, карачаевцы, вероятно, из всех областей Кавказа наиболее восприимчивы к цивилизации, потому что они менее расположены к грабежу, чем их соседи черкесы и абазины. К тому же у них богатая территория, как говорит Клапрот, и они никогда не выходят за пределы своих гор. Если бы кто-нибудь поднялся, как я, по притокам Кубани к ее истоку, то увидел бы и восхитился прекрасными лесистыми холмами, обширными плато, покрытыми растительностью с длительной вегетацией, долинами, орошаемыми реками и бесчисленными ручьями. 16-го числа утром, собрав кибитки, лагерь снялся. Любопытно было наблюдать, как калмыки ловко собирали кибитки и устраивали их на спинах верблюдов, которые опускались на колени и терпеливо ждали, когда взгромоздят тяжелую поклажу. Верблюдов было шесть.

Вскоре мы отправились в путь и дошли до подножия горы Бермамыд, высотой 8 тысяч футов. Спустя три часа мы дошли до плато Жидашту на высоте 6 или 7 тысяч футов. Ущелье, которое ведет к плато, и то, что ведет в Хасаут, можно защищать небольшими силами против превосходящих сил противника.

На время всего пути генерал выбрал квартирмейстера; в его обязанность входило искать травянистое плато для стоянок, с водой и лесом для обогрева.

Едва мы установили кибитку, как выпал сильный град, захвативший нас врасплох, и повлек за собой сильный ливень, который привел наше пристанище и амуницию в ужасное состояние, и нам пришлось ночевать на мокрой траве. Мы испытывали неудобства, так как не было матрасов и одеял. Следует заметить, что мои спутники начали испытывать офтальмию (воспаление глаз) на пятом переходе. Губы у них набухли, а кожа на лице заиндевила и покрылась пятнами.

На следующий день погода улучшилась и идти стало легче. Наши голодные лошади набрасывались на траву, которая здесь уже имела после дождя вязкий, как в благоухающем саду, запах.

Во время нашего перехода приехал татаро-ногайский князь Атакай Мансуров со своей свитой. Он льстил генералу комплиментами, скорее всего, с целью выведать цель экспедиции.

После 20-верстного перехода мы разбили лагерь на плато под названием Харбаз. Мы незаметно приблизились к Эльбрусу, который в этот момент был скрыт густыми облаками. Какое-то время шел дождь и помешал нам совершить экскурсию в окрестности нашего лагеря. Тем не менее генерал вызвал офицеров-минералогов для исследования соседних гор, и спустя некоторое время они принесли свинец и каменный уголь, который прекрасно горел сильным пламенем.

18-го числа наш лагерь продвинулся еще на 18 верст вперед. Палатки установили близ небольшого леса. Здесь мы обнаружили прекрасную траву. В долине был источник свежей воды хорошего вкуса. Господа натуралисты беглым взглядом осмотрели окрестности, собрали большую коллекцию редких бабочек, цветов и растений разных видов.

Глава XI. Русский лагерь у подножия Эльбруса

Мы еще находились в лагере, как кто-то пришел известить генерала о находке в четырех разных местах ископаемого угля. В то же время кабардинец принес треножник, найденный им, по его словам, в Приэльбрусье, в горах, покрытых снегом. Этот треножник весил примерно 10 ливров (ливр – 400 граммов), а высота его была примерно 15 футов (33 см), и в диаметре он имел такую же величину. Судя по тому, как железо было отполировано и нигде не поржавело, можно было предположить, что это был чугун; местные жители рассказывали, что они слышали от своих предков, как Ноев ковчег остановился сначала у вершины Эльбруса, а затем ветер отнес его к Арарату. Как бы там ни было, можно предположить, что туземцы, жившие по соседству с Эльбрусом, не преминули бы приблизиться к этой величественной горе, которую они всеми силами стараются, прежде всего, скрыть от иностранцев.

Господин Клапрот и многие другие путешественники просто думали, что горцам нравилось распространять басни по этому поводу. Чудеса вообще нравятся людям, вот почему мы видим и людей ученых, но энтузиастов, которые любят относить истоки их понятий к сотворению мира.

Сильный дождь длился весь день и заставил нас продлить наше пребывание в лагере до следующего дня. В это время каждый предавался своим занятиям и изысканиям. Интересно было видеть одного из наших ученых, вооруженного тысячами булавок, накальвающего на картон мошек и бабочек, чтобы затем упрятать их в приготовленные для этого коробочки. Другой ученый, имея громадную стопу бумаг около себя, укладывал между двумя листами редкие цветы и растения, собранные в пути. Третий – приводил в необходимый порядок математические инструменты и телескоп, который он вскоре должен был привести на устрашающий Эльбрус. Что касается господина Купфера, человека весьма образованного, мягкого характера и приятной внешности, то он делал записи и готовил доклады для Санкт-Петербургской академии наук. Надо отдать должное прилежанию, деятельности и уму этих господ. Академия сделала отличный выбор, доверив им эту прекрасную миссию, которую они, вероятно, выполнят к удовольствию правительства и этого блестящего общества. Ученый мир скоро сможет поздравить себя с тем, что результаты их исследований увидят свет.

24-го числа лагерь снялся, и все пошли к этой громадной горе. Мы были отделены от нее последним укреплением, которое нужно было пройти, чтобы добраться, наконец, до подножия Эльбруса. Нам предстояло подняться до 800 футов над уровнем моря. Из всех возвышенностей, на которые мы до сих пор взбирались, она была наиболее обрывиста, вследствие чего нам было очень трудно подниматься на вершину. К тому же, во время восхождения густой туман обьял нас, заставил остановиться и переждать более двух часов, пока не прояснилось.

Мы шли по тропинке между пропастью, примерно 500 футов глубиной, и скалами, которые поднимались вертикально, оставляя нам уступ шириной в аршин.

Артиллерия, багаж, фургоны и верблюды были оставлены в лагере, который мы только что покинули.

Мы шли медленно, у каждого была палка с железным наконечником. Мурза-Кул возглавлял колонну, генерал следовал за ним, а я, опираясь на свою саблю, шел следом за ним. После каждых десяти шагов нам приходилось останавливаться и переводить дыхание. Чтобы воодушевить нас, Мурза-Кул, этот добрый старик, порой, покрикивал: «Хайда, мадьяр! Хайда! – что означает: «Вперед, мадьяр, смелей!» – и выпренно добавлял: – Брат мой, вспомните, что мадьяры никогда не оставались позади».

Спуск был не менее трудным, чем восхождение. Наконец мы пришли к Железным воротам. Так можно назвать эти вторые Фермопилы. Здесь скалы, образуя вход, сближаются с двух

сторон, оставляя лишь очень узкий проход, сквозь который можно выйти на плато напротив Эльбруса. Отсюда его уже больше ничто не скрывало от основания до вершины.

Урочище, где мы остановились, было окружено со всех сторон высокими горами; некоторые из них являются вулканическими. Малка течет здесь очень быстро. Осмотревшись, чувствуешь унылое одиночество. Острые скалы, кажется, достигают облаков; черные горы, окружающие снежные вершины, составляют основание Эльбруса.

Они представляют величественную картину и будто распространяют вокруг вас темный свет, вызывающий крайнее удивление. Когда созерцаешь Эльбрус, природа здесь представляется величественной. Лишь это чувство овладевает вами и принуждает пасть ниц у подножия трона Создателя. О, вы, несчастные атеисты, и вы, обездоленные крепкие умы, придите сюда, чтобы созерцать мощь вашего Создателя Вселенной! Положите руку на сердце, возведите глаза к небу, переведите их затем на это чудо природы и признайте, что ваше сердце говорит вам: «Да, Бог есмь един».

Местные горцы, наполовину варвары, лишенные света настоящей религии, смотрели на Эльбрус в спонтанном порыве, как на священную гору, покрытую тайнами, от которых они по сию пору старались отдалить профанов. И они обожают, словно символ чуда Всевышнего, первопричину всего сущего.

Эльбрус, вероятно, очень удивился, увидев первый раз людей, одолевших преграды, являющиеся стражами сих почитаемых мест, до сих пор считавшихся недосыгаемыми. Но он должен быть еще более удивлен необыкновенным мужеством человека, поправшего его чело. В памяти человечества никто еще не имел такой отваги. Генерал от кавалерии Емануель первым дерзнул задумать такое покорение. Это он, преодолев все препятствия и выйдя победителем, пришел разбить свой лагерь у подножия этого вечного памятника природы. Действительно, нужно было получить от Бога характер такой твердый и решительный, как тот, что имел генерал, который смог одолеть все опасности и сделать возможным то, что все путешественники и все жители Кавказа не осмелились сделать прежде. Эльбрус не может иметь очертания более величественные, чем те, которые он выказывает в настоящее время в его удивительном величии, с какой бы стороны на него ни смотрели.

21 июля. Небо было лазурным, сильное желание полюбоваться как можно ближе объектом наблюдения заставило нас выйти из нашей кибитки до восхода солнца. Какое восхитительное представление! Мне казалось в этот момент, что мои интеллектуальные способности воспарили к эфирному слогу. Я чувствовал, что божественная суть разливается во всем моем существе, вдохновляет меня в этот торжественный момент, рождает во мне чувство высшего свойства; оно проникает в мою душу, чтобы не покинуть ее до могилы. Это тебе, единственной, о божественная суть, я обязан моим новым существом!

Глава XII. Восхождение на Эльбрус

Генерал пожелал убедиться, не возникнут ли такие препятствия, как болота, не встанут ли пропасти на пути при попытке достичь вершины Эльбруса – самой высокой после нашего лагеря. Я его сопровождал, пройдя с ним некоторое расстояние. Подъем был довольно крутой, но ничто не могло остановить генерала, чтобы достичь цели. Убежденный, что отныне ничто не помешает его предприятию, генерал приказал все подготовить. После завтрака генерал призвал к себе тех, кто должен был войти в состав небольшого каравана, и обещал тому, кто первым взойдет на вершину, – 100 руб. серебром, 50 – второму и 35 – третьему.

Выбрали двадцать казаков-добровольцев, чтобы сопровождать господ натуралистов, к коим присоединился господин архитектор Бернардацци, и им выдали провизию на этот и следующий день.

Перейдя Малку, кавалькада дефилировала перед нашим взором цепочкой людей и, направляясь зигзагами, стремилась преодолеть Черные горы.

Среди всех гор, которые я видел в трех частях света, ни одна не имеет такого разнообразия форм, как те горы, которые были перед нами. Эта прекрасная картина достойна кисти очень опытного художника. Что добавляло к красоте этой перспективы, так это удовольствие видеть небольшую экспедицию, поднимающуюся на лошадях на гребень ближайших, довольно крутых гор; восходители шли один за другим на некотором расстоянии и виделись лишь маленькими черными точками, почти незаметными; это было восхитительное зрелище.

Общество восходителей провело ночь на Черных горах. На следующий день, 22-го числа, в три часа утра экспедиция начала подъем на горы, покрытые снегом. Солнце сияло. Ни одна туча (хотя на этой высоте горы почти всегда покрыты тучами) не показалась близ горы, вершина которой терялась в пространстве. Можно было подумать, что само небо благоволило первому проникновению человека в эти священные места.

Экспедиция, предпринятая накануне, исчезла из наших взоров. Только к полудню следующего дня при помощи телескопа мы ясно видели, как показались четыре человека, которые пытались достичь вершины Эльбруса. Мы также очень отчетливо видели, как трое из этих людей не могли больше противостоять разреженности воздуха и легли на снег, и лишь один единственный человек продолжал идти твердым шагом, поворачиваясь то налево, то направо, ища, куда с большей уверенностью поставить ноги, которые, естественно, проваливались в рыхлый от солнца поверхностный слой снега. Генерал постоянно находился перед телескопом и с удовольствием следил за тем, кто показался так близко к вершине и мог получить самую большую награду.

Я сидел рядом с генералом и писал письмо, которое начинается такими строками: «На коленях у подножия Эльбруса я пишу это письмо и т. д.»⁵. Пока я писал, очарованный происходящим, я прерывал свое письмо, желая полюбоваться мужественным человеком, который пробивался сквозь льды и снега и шел вперед, тогда как трое из этих самых мужественных восходителей лежали на снегу и не могли больше следовать за ним.

Генерал все время ждал у телескопа, когда этот человек, единственный остававшийся на ногах на этом обледенелом склоне, достигнет вершины горы. Наконец, мы увидели, как этот человек, преодолевший множество трудностей, которые казались непреодолимыми, остановился на вершине. Генерал тотчас приказал троекратно отсалютовать из ружей завоеванию Эльбруса.

---

⁵ Это письмо было отправлено генеральному консулу Австрии в Одессе, чтобы затем быть направленным Его Превосходительству канцлеру Венгрии, Его Высочеству Меттерниху.

Мы увидели господ академиков во время их возвращения в лагерь, и нужно признать, что караван, исчезнувший накануне, поистине был караваном мужественных людей. Они были измучены усталостью и мокры от таявшего снега. У них были распухшие веки и покрыты пятнами лица. Надо воздать должное господам академикам: они, со своей стороны, сделали все, что в человеческих силах. Нам стоило также полюбоваться скромностью этого простого человека, живущего в Вольном ауле на реке Нальчик в Большой Кабарде. Его зовут Килар⁶. Этот человек, единственный из всех, кто пытался взойти на вершину Эльбруса, имел счастье ее достичь. Таким образом, память об этом человеке достойна того, чтобы передаваться последующими поколениями. Этот человек принес с вершины кусок базальта, который генерал приказал расколоть на две одинаковые части, из коих одна была отправлена в Санкт-Петербург, а вторая была отдана мне, чтобы стать экспонатом в Национальном музее Пешта.

К вечеру того дня, когда господа академики вернулись в наш лагерь, мы их поздравили с их блестящим успехом и счастливым возвращением. У Килара открылась болезнь глаз и, кроме того, он был таким уставшим, что в этот день не смог предстать перед генералом, чтобы получить свою награду. Церемония вручения была перенесена на другой день.

---

⁶ Я с удивлением прочел в одесской газете статью, выдержки из тифлисской газеты, в которой Килар описан горбатым и хромым. Я не знаю, какова была цель этого шутника корреспондента представить мужественного кабардинца не таким, как он есть, а искалеченным. Он малого роста, но крепкий и без каких-либо дефектов тела. Его имя также выгравировано на скале с именами тех, кто входил в эту экспедицию.

Глава XIII. Водопад. Банкет, данный туземным князьям. Надпись у подножия Эльбруса

Хотя мы мало были удалены от гор, покрытых снегом, жара все-таки ощущалась, небо было ясным, атмосфера чистой; все покоилось в чудесной тишине. Эльбрус блестел мерцающим сиянием, излучая с высоты его трона искры, которые казались бриллиантовыми мираидами вспышек. Как бы для того, чтобы оказать честь тем, кто пришел его завоевать в первый раз своей смелостью и стойкостью.

Пока малая экспедиция отсутствовала, генерал, два штабных офицера и я пошли осматривать водопад на Малке, в двух верстах от нашего лагеря.

Мы дошли до края пропасти между нами и горой, откуда извергалась Малка, образуя очень красивый водопад. С удовольствием мы созерцали падение реки, которая, срываясь с высоты около 100 футов, представляла собой низвергавшийся пласт воды шириной около 20 футов.

23-го числа, чтобы отметить удачную экспедицию, генерал дал обед старшинам Кабарды, Карачая, Орусия и Черкесии.

Выпили за здоровье императора Николая под троекратный залп из всех орудий. Эльбрус ничуть не был забыт, и с воодушевлением, заслуженным по праву, выпили за здоровье достойного шефа, который должен быть прославлен этой замечательной экспедицией, организованной по приказу и при содействии великодушного императора Николая⁷.

По окончании обеда вызвали удалцов, которые сопровождали эту экспедицию, достаточно опасную, чтобы присудить торжественно должное вознаграждение смельчаку Килару, уже восстановившему свои силы после замечательного восхождения. Выпили также и за его здоровье: таким образом несколько бутылок шампанского было опустошено; туземные старшины весело предавались возлиянию, считая, что по этому, из ряда вон выходящему случаю Магомет закроет глаза, чтобы на них не смотреть.

Генерал воспользовался случаем, чтобы уравнять биев и узденей, которые нас сопровождали. Кучук Жанхот – предводитель Большой Кабарды – получил золотые часы, а уздени – по куску сукна для черкесок.

Чтобы увековечить память этой экспедиции, единственной в летописи кавказских народов, генерал приказал выбить на скале надпись на русском языке при входе в лагерь. Генерал захотел, чтобы там были имена академиков и офицеров, которые участвовали в экспедиции, и по той же причине мое имя было туда также добавлено. Это отличие должно мне польстить, так как память о моей стране будет навечно начертана в этой части света, где когда-то наши предки господствовали и где еще существует небольшое количество мадьяр, поднявшихся высоко в горы, чтобы жить в независимости, которая составляет их высшее счастье.

Если когда-либо какой-нибудь венгр, влекомый любовью к родине, доберется после меня к подножию Эльбруса, когда меня уже не будет, и если он прочтет эту надпись, пусть не забудет, что один из его соотечественников, движимый несокрушимой любовью к родине, был первым из мадьярских сынов, кто прикоснулся к колыбели его отцов! Признание моей родины – вознаграждение за мгновения горечи, которые я пережил со времени моего патриотического путешествия. Я могу ждать этого вознаграждения только от последующих поколений, озаренных более чистым светом, которые воздадут по справедливости моей незапятнанной памяти.

---

⁷ Император Николай сообразовал позволить, чтобы оружие правительства Кавказа было украшено горой Эльбрус.

Париж, 1838.

Первовосхождения на Эльбрус. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007.

А. Я. Купфер. Доклад, сделанный в Академии наук, о путешествии в окрестности горы Эльбрус на Кавказе, предпринятом по приказу Его Императорского Величества

Адольф Яковлевич Купфер (1799–1865) – академик, физик, химик, метролог, основатель первого метрологического и поверочного учреждения – Депо образцовых мер и весов и Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге.

Окончив Дерптский университет, изучал минералогию в Берлинском университете, химию – в Гёттингенском, где получил степень доктора философии. В 1821 году вернулся в Санкт-Петербург, с 1824 года заведовал кафедрой в Казанском университете, где создал первую магнитную обсерваторию.

Именно он предложил план введения единой системы мер на всей территории России, стоял у истоков обмена метеорологическими данными между европейскими странами. В марте 1865 года, устанавливая на крыше обсерватории анемограф (ветромер), простудился и 4 июня умер от воспаления лёгких.

В 1829 году состоялась знаменитая экспедиция для обследования окрестностей Эльбруса. Общее руководство ею было возложено на А. Я. Купфера, а одной из задач являлось измерение магнитного поля на Эльбрусе. Именно тогда было установлено, что с высотой магнитное поле ослабевает.

Доклад о путешествии в окрестности горы Эльбрус⁸

Генерал Емануэль, главнокомандующий Кавказской области, отличался как храбростью и характером, так и покровительством, которое он оказывал наукам. После того как генерал покорил карачаевцев, народ окрестностей Эльбруса, и устранил там самое большое препятствие на подступах к центральному хребту, он сформировал план военной разведки этой значимой местности. Его победы привели его уже к подножию Эльбруса, который прежде считался неприступным. Он убедился, что гора вовсе не была окружена болотами, как считали горцы, а страхи, витавшие окрест, – результат воображения этих народов – были не чем иным, как результатом их суеверия.

Целью этой экспедиции было собрать точные сведения о ландшафте, высотах гор, простирающихся здесь, о направлении и глубине долин, о лесах, пастбищах, минералах и других природных богатствах, а также найти подходящую дислокацию для Кордонной линии, которая навсегда сделала бы жизнь на равнине безопасной от набегов горцев. Генерал хотел в то же время встретиться с этими народами, которые любили войну и которым смелостью можно было внушить не только уважение, но и то, что их скалы, узкие ущелья, их потоки и снега вовсе не являются непреодолимыми препятствиями для русских солдат, умеющих, как и они, претерпевать все тяготы.

Уже давно правительство почувствовало всю важность полного покорения черкесов. Эти народы, у которых разбой считается самым почетным ремеслом, вызывают страх в русских поселениях, расположенных в окрестностях высоких гор Кавказа, на плодородных равнинах, где возделывание было востребовано зарождающейся промышленностью. Черкесы защищались от продвижения России на юг и могли по своей воле закрывать или открывать этот путь народам Азии. В этот момент их внутренние разногласия, вызванные русской политикой, помешали им объединиться под одним вождем. Но нельзя забывать и о том, что, согласно преданиям, которые они ревностно хранят, их господство распространялось до Черного моря. Они считают, что могущественный народ, произошедший от их предков, – существование его доказывают руины Маджар у подножия Кавказа – однажды уже заповил прекрасные равнины в устье Дуная и достиг Панонии⁹. Добавьте к этому рассуждению их превосходство в оружии, их замечательных всадников, хорошо вооруженных, закаленных постоянными разбоями, предпринимаемыми против своих соседей, храбрость и пренебрежение преимуществами нашей цивилизации. Страшно представить, какие последствия могло бы принести их объединение под одним началом для Юга России; здесь противостоит их опустошительным набегам только Кордонная линия, слишком растянутая, чтобы быть достаточно сильной.

Очевидно, что экспедиция генерала Емануэля была осуществлена благодаря его мудрой прозорливости: эмиссары Оттоманской Порты возбуждали смелость врагов России и привлекали на свою сторону черкесские народы, которые уже присягнули на верность России. Гроза разразилась бы скоро, если бы не решительный приход генерала на их территорию, что заставило стихнуть возгласы недоброжелателей. Они бы провоцировали новые бедствия наших войск в Турции, однако новость о взятии Эрзрума и Силистрии – начало успехов русских войск – настигла нас на берегу Кубани, когда мы уже возвращались из нашего путешествия. С этой точки зрения экспедиция уже заслуживала достаточное внимание со стороны правительства. Но генерал хотел также привлечь внимание Европы, обратившись к академии, чтобы

---

⁸ Проведено: 29 декабря 1829 года.

⁹ Это предположение, воспроизведенное уже несколькими авторами, посещающими эти места, может быть, не вполне обоснованно, но его достаточно для того, чтобы место, найденное здесь, считалось, по мнению народов, о которых я говорю, своим.

использовать случай с пользой для науки, который представился впервые и в будущем представится не так скоро. С тех пор как более гуманная политика сделала войны менее изнурительными для людей, стало привычным видеть ученых, следующих за войсками, чтобы проникнуть в малоизвестные страны, которые открыла для них война. Самый опытный наблюдатель, что бы мог он сделать в стране, опустошенной и разграбленной непримиримыми шайками, которые делали каждого жителя врагом, доведенным до отчаяния? Но сейчас, когда уважают право собственности, религию, обычаи побежденных народов, когда соседство с лагерем ощущается не только по притоку иностранных денег, можно спокойно предаваться исследованиям. Академия поспешила ответить на желание генерала. Тотчас же на нас, господина Паррота, Триниуса и меня, была возложена обязанность составить план путешествия, который был подписан Его Величеством императором. Академия оказала мне честь, поставив во главе экспедиции; господа Ленц¹⁰, Мейер¹¹, Менетрие¹² были моими ассистентами: первый – по физическим наблюдениям, второй – по ботанике, третий – по зоологии. После того как была завершена самая важная часть нашего путешествия, я покинул своих спутников, чтобы вернуться в Санкт-Петербург, где меня ждали другие обязанности; и эта первая часть, по которой я имею честь отчитаться на сегодняшнем заседании.

Я разделю мой доклад на 6 частей: 1. Исторический рассказ; 2. Геология; 3. Барометрическая нивелировка; 4. Магнетизм; 5. Температура почвы; 6. Астрономические наблюдения. Ботаника и зоология будут рассмотрены в ближайшем докладе; господа Мейер и Менетрие все же работали независимо от меня и пока еще не обсуждали со мной результаты своих изысканий.

---

¹⁰ Адъютант Академии наук.

¹¹ Из Дерпта, кто сопровождал М. Ледебура в его путешествии на Алтай и кто стал его соавтором в описании алтайской флоры, которое сейчас публикуется.

¹² Консерватор кабинета зоологии в академии.

Исторический рассказ

Мы выехали из Санкт-Петербурга 19 июня 1829 года и направились в Ставрополь, где нас ждал генерал Емануель. Дорога от Санкт-Петербурга до Москвы не представляла ничего, что было бы для нас неизвестным; к тому же, мы спешили прибыть в Ставрополь. Генерал назначил свой отъезд на 1 июля, из-за чего у нас было совсем мало времени для исследований. Несколько наблюдений по температуре источников и силе земного притяжения, несколько заметок о строении местности, почве и последовательности климатических поясов были единственным результатом преодоления более 2 тысяч верст с севера на юг, что является расстоянием между Петербургом и Ставрополем. По приезде в этот город нам сообщили, что генерал уже уехал на юг от Ставрополя к минеральным водам у подножия Кавказского хребта, и именно оттуда предстоит экспедиции отправиться. Из этого населенного пункта я начну рассказ о нашем путешествии, потому что только отъезд оттуда представляет заметный интерес.

Однообразная степь простирается на север от Кавказской гряды и на 40 верст на юг от Георгиевска. Она прерывается несколькими горами схожей формы и особенным расположением. Это отдельные возвышенности, которые быстро поднимались то в виде конуса, то в виде длинного пласта. Далее мы увидим, что порода, которая их составляет, отличается от всех близлежащих пород – это белый трахит, в то время как равнина сложена известняком и песчаником. Одна из этих гор, Бештау (пять гор), – массив из пяти вершин, самая высокая из которых поднимается на высоту 4 тысячи футов над уровнем моря; это почти высота купола горы в Оверне. Шотландская колония расположилась у подножия этой горы. Почва здесь очень плодородная и с избытком обеспечивает потребности тех, кто ее обрабатывает; здесь мы видели тутовые деревья и виноград. Маленький ручей с чистой и свежей водой течет по селению. Мир, царящий в его лоне, причудливо контрастирует с окрестным военным укреплением: разбой черкесов принуждают к такой необходимости. Удивительно, что здесь, в центре пустыни, находишь признаки передовой цивилизации, сады с фруктовыми деревьями и аллеи, поддерживаемые в порядке, земледельцев и рабочих, старающихся приобщиться к чтению.

Волнообразная равнина, которая отделяет Бештау от Кавказского хребта, поднимается на 1200 футов над уровнем океана; с востока на запад здесь течет Подкумок – маленькая река, впадающая в Куму. Здесь встречается много холмов высотой от 1000 до 1500 футов; самый примечательный – Машука, находящийся на северном берегу Подкумка и в четырех верстах от маленькой Константиногорской крепости. Именно у его основания бьют горячие источники Кавказа, изрядно известные своим целебным действием, которое они оказывают на многие недуги. Известковые отложения, покрывающие склон Машуки, где эти самые источники сосредоточены, образуют длинную и узкую лощину; горячие воды пробиваются по ее краям и выходят несколькими источниками большей или меньшей температуры и со сходным составом; сероводород, углекислота и большое количество извести дает о себе знать обонянию и вкусу при первом же приближении к ним. По дну лощины протянулась аллея, от нее по крутым склонам поднимается зигзагом множество тропинок, ведущих к источникам.

Просторные и очень чистые купальни находятся рядом с главными источниками; наиболее обильный, который в то же время является и наиболее горячим, стекает по желобу до основания скалы, где он разливается во множество ванн, сделанных из камня, и подается на первый этаж великолепных терм; самые известные курорты за границей, подобные Карлсбаду, не представляют стольких удобств больным.

До того как разразилась война между Россией и Турцией, Кавказские минеральные воды весьма посещались; но во время моего пребывания там было около 50 семей: страх быть атакованными черкесами, хотя и малообоснованный, сдерживал многих людей. Мы прибыли вечером, и это селение из сорока дворов предстало в виде оживленного города; тысячи персидских

фонариков мерцали на большой площади. В центре располагалась ресторация, которая в то же время была местопребыванием генерала; блестящее общество было собрано в прекрасном зале, чтобы отпраздновать балом годовщину именин императора; это было 7 июля (25 июня по старому стилю). На возвышенной над городком Машуке пламенел вензель императора, что делало зрелище поистине впечатляющим; но приготовленный фейерверк не состоялся из-за грозы, что разразилась на пороге ночи.

Съезд приезжих в Горячеводск (Горячие Воды – так называется этот городок) ограничен маем, июнем и июлем; зимой здесь живет только несколько служащих и владельцев домов, которые в сезон зарабатывают то, на что можно жить оставшуюся часть года. Тем не менее известен проект строительства города на равнине, где течет Подкумок, и дома, которые уже существуют, составят его самую красивую часть. Правда, что плодородие почвы, мягкость климата и разнообразие ландшафтов делают этот край одним из самых красивых и приятных в России. Хорошо орошаемые луга дают богатые пастбища; виноград прекрасно растет на солнечных склонах; встречаются тутовые деревья, клещевина, в глухих местах – азалия понтийская, в лесах – бук. С одной стороны взгляд простирается до горизонта, отдаленной горной цепи, где над черными крутыми скалами в снежном хребте возвышаются две вершины Эльбруса ослепительной белизны. С другой стороны видны Машука, Бештау, Змейка (гора змей), стесняющие долину в самой низкой ее части, где течет Подкумок. Несомненно, во всей остальной России нет места более подходящего для расселения, и где природа была бы более способна при экономических выгодах и сильных разнообразных впечатлениях сглаживать воспоминания о родной стране.

На следующий день нашего прибытия в Горячеводск, то есть 8 июля, мы предстали перед генералом, который нам сказал, что он уезжает сегодня в горы, что один пехотный отряд отправился на Малкинский мост, чтобы там нас ждать. Мы собрались наспех, хотя еще были утомлены тяжелым путешествием. В действительности, мы выехали в 4 часа после полудня. После 15 верст пути мы остановились на берегу Золки, чтобы там провести ночь.

Прежде чем начать рассказ о нашем походе в горы, было бы хорошо коснуться местности, которую мы прошли, и людей, нас окружавших. Плато, разделенное во всех направлениях глубокими и узкими долинами, незаметно поднималось на высоту от 8 до 9 тысяч футов над уровнем океана: огромные пастбища на возвышенностях, настоящие степи, где взгляд не встречает ни одного дерева, ни единого жилища; пропасти, откосы которых обрамлены густыми кустарниками, и на дне их видны небольшие потоки, стремящиеся от скалы к скале. Вот картина первого Кавказского хребта, который полностью состоит из известковых скал и песчаника, расположенных горизонтальными пластами. Ни одна из этих гор не поднимается до района вечных снегов; и только в расщелинах, в тени и на больших высотах можно увидеть снежные участки, которые в течение самой теплой части лета не поддаются воздействию лучей солнца. Эти горы повсюду имеют форму плоскогорья; пастбища располагаются на самых высоких местах, так как с этих высот снег сходит лишь к середине лета, здесь трава остается свежей, в то время как в долине все выгорает. В июле черкесы сюда пригоняют своих лошадей и овец, чтобы укрыть их от жары и насекомых.

Заметно, что эти горы не похожи на горы Швейцарии и Тироля. В Швейцарии известняковые Альпы часто покрыты вечными снегами; они поднимаются обычно в форме пиков и шпилей, и если там есть луга небольшой протяженности на значительных высотах, то они никогда не занимают самые высокие отметки. Там невозможно путешествовать на высотах: необходимо следовать по направлению долины, в то время как на Кавказе долины представляют самые большие сложности из-за их небольшой ширины, из-за пропастей и из-за стремительных потоков, которые их пронизывают.

Самые древние из песчаников, составляющие наиболее возвышенную часть Передового хребта Кавказа, очень близко расположенного к центральному хребту, о чем мы будем говорить

вскоре, лежат на кварцевом конгломерате, который, в свою очередь, покоится на глинистом сланце. Песчаники создают весьма обрывистые пропасти, обращенные к Главному хребту, где они разделены глубокими долинами. Горизонтальное расположение слоев песчаника и правильность, с которой они чередуются с известняками, и наконец, ракушки, которые песчаник содержит в себе, представляют самое очевидное доказательство, что они нанесены водой. Как только в почве выступают глинистые сланцы, форма гор меняется; выходят, если можно так сказать, обрывистые скалы трахита. Расщелины глинистого сланца быстро поднимаются на высоту 12 тысяч футов над уровнем моря, приобретая вид шпилей и гребней, склоны которых усеяны небольшими настами вечных снегов. Эти трахиты формируют Центральный хребет, и Эльбрус тоже состоит из них. В дальнейшем можно будет увидеть, что трахитовые порфиры явно вулканического происхождения; я обнаружил, что они имеют свойства настоящей лавы. Эти скалы почти полностью лишены растительности; с трудом несколько альпийских растений пускают ростки то тут, то там между обломков скал – результата общего разрушения. Даже в долинах, где иногда встречается дерн да несколько корявых деревьев, что является следствием заметной эволюции этой местности, суровость климата такова, что в середине июля, когда мы туда прибыли, по состоянию растительности, едва начавшей пробиваться, можно было отметить, что снег сошел не так давно.

Центральный хребет Кавказа, каким я его только что описал, представляет почти непреодолимые трудности для перевозки продовольствия и другого необходимого снаряжения для обеспечения многочисленного конвоя, без которого нельзя путешествовать в этих краях. Узкие тропки, впервые протоптанные нашими лошадьми, часто вели нас множеством поворотов на половине склона, почти перпендикулярного горе; вершина ее была окутана туманом, а подножие омывалось стремительным потоком. Понятно, что такие дороги – не проезжие для повозок; мы были вынуждены оставить позади себя большую часть наших запасов и оружия; даже верблюды, которые везли наши кибитки, не могли больше нас сопровождать. Недостаток корма, а порой даже и дров, не были наименьшими из неудобств; нужно было все везти издалека и порой тропами еще более опасными, чем те, которыми мы шли.

Дороги по плоскогорьям Передового хребта Кавказа приносят меньше трудностей, тем не менее они проходимы только для местных повозок на двух колесах и запряженных волами. На высотах встречаются огромные равнины и, следовательно, достаточно хорошие дороги, но часто приходится вдруг останавливаться перед глубокой долиной, в которую нужно спуститься, чтобы снова выйти с противоположной стороны. Мы были вынуждены пойти по дороге шириной всего лишь несколько футов, с одной стороны окаймленной скалами, а с другой – пропастью, и которая спускалась со множеством поворотов. В этих случаях волы не могли больше удерживать повозки. Нашим пехотинцам приходилось объединять свои усилия, чтобы не дать повозкам сорваться в пропасть; перевозка оружия встречала почти непреодолимые препятствия особенно часто. Нужно было иметь много смелости и несокрушимой стойкости, чтобы все это превозмочь. Именно здесь множество раз мне предоставлялся случай наблюдать и восхищаться субординацией и порядком, царившим и в наших войсках; неустранимость воодушевляет наших солдат.

Несмотря на опасности на каждом шагу, на всякого рода лишения, которым мы подвергались, их причины не вызвали ни малейшего интереса у большинства людей, из которых состоял наш конвой, – ни один не роптал; все время та же деятельность во время перехода и то же веселье в лагере.

Наш караван обычно разделялся на несколько отрядов. Сотня линейных казаков формировала авангард, но свита генерала, он сам и его сын шли впереди. Процессия представляла собой то запутанный клубок, то тонкую ниточку, в зависимости от ширины тропинки, и состояла из нескольких офицеров и других приближенных генерала, черкесских князей, толмача и нас. Затем на надлежащем расстоянии следовал арьергард из 250 линейных казаков, кото-

рый включал пехотный из 600 человек отряд, предназначенный для охраны оружия и багажа. Можно себе представить, что, последовав за таким значительным караваном, мы не преодолевали большого пути за день. К полудню, после 20–30 верст пути мы останавливались в какой-нибудь долине, где можно было запастись водой, дровами и травой; генерал выбирал подходящее место, чтобы установить наши калмыцкие кибитки, которых было три: одна для генерала, другая – для его свиты и третья – для нас. Мы разжигали огонь, резали барана, готовили обед, который обычно приходился на 5 часов вечера. В ожидании некоторые отдыхали, другие исполняли поручения в окрестностях, однако, не уходя слишком далеко от лагеря, чтобы не быть захваченными черкесами, окружавшими нас повсюду. Черкесы долго наблюдали за нашим походом с едва скрываемым недоверием, которое вызывали наши движения. Обед всегда накрывался в кибитке генерала, более просторной и более теплой, чем наши. Мы садились на землю; длинная скатерть, расстеленная на дерне, и тарелки на коленях. Калмыцкие кибитки имеют форму вытянутого цилиндра с усеченным конусом; сверху вырезано круглое отверстие, чтобы выходил дым, когда внутри разжигают огонь; это отверстие во время дождя и ночью закрывалось своего рода крышкой. С большим мастерством и точностью каркас кибитки был построен из легких деревянных прутьев: все было покрыто большим куском белого плотного войлока: ни дождь, ни ветер туда не проникали. Шесть верблюдов были предназначены для их перевозки. Несколько калмыков, владельцев этих верблюдов, с помощью казаков устанавливали палатки за короткое время. К вечеру наш лагерь представлял собой очень оживленную картину, новую для нас и для черкесов, учитывая то, что до нас еще ни одна армия не доходила до этих долин. Пушки, охраняемые пехотинцами, а повозки – казаками, прибыли все, до последней. Кибитки офицеров из белого полотна были уже установлены, было только несколько солдат, которые работали на строительстве своих шалашей, если можно так назвать травяные кучи, в которых они делали ямы, чтобы там спать, или несколько бурок, развешанных на деревянных прутьях, вбитых в землю. Багаж сосредоточили в одном месте. Лошади и верблюды разбежались по долине в поисках корма. Часовых располагали на пунктах, возвышающихся над лагерем и в окрестностях. Наконец, мы собрались на вечернюю молитву. Ударили в барабаны, выстрел из пушки повторился эхом. Это был сигнал ко сну. Моя бурка, расстеленная на траве, служила мне подстилкой. Укрывался я другой буркой, которую взял из предосторожности. Дневное утомление нас скоро погрузило в глубокий сон, который изредка прерывался криками часовых, окружавших нас. На рассвете вновь прогремел барабан; нужно было второпях вставать, одеваться, потому что четверть часа спустя кибитки разбирали, и ленивые рисковали быть застигнутыми в своих постелях под взглядами всего лагеря, они будут одеваться, предоставленные утренней свежести, а порой и под дождем. Авангард сразу пустился в путь, а мы следовали за ним в порядке, который я уже описывал.

Теперь я возвращаюсь к нити моего рассказа, который мы вели от берегов Золки. Есть несколько маленьких рек, которые носят это название, и которые объединяются до того, как впадают в Куму. Черкесское название Золки – Дзельукха, ее можно легко перейти вброд; однако иногда она вспучивается дождями и затопляет соседние луга, и придает им свежий вид, который мы бесполезно искали в это время года где бы то ни было, за исключением гор. На следующий день, приближаясь к какой-то вершине, мы увидели Центральный хребет, потому что тучи, которые его окружали накануне, полностью рассеялись. К югу, почти на горизонте, открылись горы, покрытые снегом, правая гряда которых на юго-востоке возвышалась Эльбрусом; слева они заканчивались Казбеком, очертания которого с трудом различались, ибо он терялся в тумане горизонта. Но там же, на юге, взгляд простирался до вершин, покрытых снегом; мы различали горы, на которых живут хуламцы. Повернувшись направо, к северу, нам

одна за другой открывались на западе Темир-Копчек, на северо-западе – гора, породившая Psikhaghogha¹³, на севере – Бештау и, наконец, Oskhadacha¹⁴ – в восточном направлении.

Именно здесь мы принимали впервые черкесского князя, который пришел к нам на встречу. Это был Арслан-бек, известный князь рода Джембулатовых из Кабарды, окруженный несколькими своими вассалами, общее число которых достигало четырех сотен. Он был наряжен в короткую черкеску из голубого сукна с серебряными галунами. Сабля, пистолет, очень широкий нож, который черкесы называют «кинжал», составляли его доспехи. Затвор его ружья был богато украшен, но в данный момент ружье было спрятано в чехле и находилось в руках у кого-то из его свиты. Его лошадь была маленькой, но крепкой и хорошо сложенной, ее узда и седло были покрыты серебряными пластинками, искусно обработанными. Засвидетельствовав свое почтение генералу, он пустился в путь вместе с нами и сопровождал нас в течение нескольких дней, после чего вернулся к себе.

После того как мы прошли несколько верст по плато, мы пришли к цепи холмов, которые окаймляли левый берег Малки. Мы направились к горе, которая издали отличалась обрывистостью с одной стороны; она значилась в путешествии местом, которое нужно было пройти, чтобы попасть в долину Малки. Наконец, мы спустились в эту долину, пошли по берегу реки и поднялись по ней.

Долина Малки достаточно широка и обрамлена с двух сторон крутыми скалами из известняка и песчаника. Это одна из самых протяженных долин на Кавказе, и, несмотря на то что она несравнима с долиной Кубани, она представляет множество живописных мест с плодородной почвой, когда-то она, должно быть, была плотно заселена, потому что тут и там еще встречаются груды камней, собранные явно руками человека. Это – могилы, о которых говорят черкесы. Немного выше слияния Малки и Кичмалки (Малая Малка) долина зажата между двумя скалами таким образом, что достаточно туда бросить несколько брусьев и покрыть их пластом из густого кустарника и земли, чтобы сделать там мост. Поэтому это место и называют «Каменный мост Малки». Мы там построили редут, который удостоили чести называться крепостью, и он составлял часть Кордонной линии; форт был небольшой, но достаточный для того, чтобы оборонять переправу в ущелье, образованном соединением двух рек, а гарнизон достаточно умело разместился в лачугах, построенных из земли.

Генерал заставил разбить лагерь недалеко от этого редута. Немного отдохнув, он велел привести к нему черкесских князей и вождей, которые собрались, чтобы засвидетельствовать свое почтение генералу и справиться о причине, приведшей его сюда. Слухи, что мы собираемся войти на территорию карачаевцев и подойти к Эльбрусу, распространились. Пока мы еще находились на территории кабардинцев, которые уже давно присягнули на верность Его Величеству императору России и привыкли видеть у себя русские войска. Карачаевцы, разбитые русскими в прошлогоднем сражении, только что присягнули на верность и не могли спокойно смотреть на столь значительную силу, приближающуюся к их границам. Несколько недоброжелателей, несколько абазинских посланцев, пока еще независимое племя, находящееся под влиянием Оттоманской Порты, воспользовались моментом брожения, чтобы подстрекать карачаевцев на восстание, и внушали им, что русские придут только для того, чтобы их уничтожить и отомстить за потери, которые они им причинили в прошлом году. Карачаевцы действительно попросили помощи у соседей. Они усилили свои селения, закрыли ущелья, принесли камни на горы, чтобы их скатывать на нас, когда мы будем проходить. Однако до начала военных действий они решили послать некоторых из своих вождей навстречу генералу, чтобы постараться выявить его истинные намерения.

---

¹³ Высохшее русло реки.

¹⁴ Красивая вершина.

Генерал пригласил их в свою кибитку, говорил с ними с большой доброжелательностью и вскоре рассеял их страхи. Он им сказал, что теперь, когда они дали клятву верности, их рассматривают как русских подданных и что он сам не рискнул бы вызвать недовольство государя, если бы хотел им причинить хоть немного зла. Хорошим управлением и покорностью в прошедшем году они приобрели неоспоримые права на дружбу с русскими. Его и нескольких ученых, занимающихся только сбором растений, камней и животных, привело сюда всего лишь желание узнать их замечательную страну. Он хотел воспользоваться пониманием между русскими и карачаевцами, чтобы приблизиться к Эльбрусу, к которому еще никто не подходил. Он им пообещал, к тому же, что не будет проходить через их селения, и, сделав несколько подарков, проводил их.

На следующий день мы опять принимали нескольких кабардинцев: их привело в наш лагерь любопытство. Самым видным из них был Кучук Жанхот, один из самых богатых князей Кабарды; он себя называл родственником императора России, потому что Иван Васильевич вошел в его семью, женившись на княжне Марии, дочери Темрюка; именно после этой женитьбы русский царь стал называться князем Кабарды.

Князь Жанхот, 90-летний старик, но, несмотря на свой преклонный возраст, он еще очень крепкий, хороший всадник и великий охотник. Он возвращался с охоты, где убил одного медведя и двух оленей; но «мои силы начинают убывать, я нехорошо себя чувствую, и я намереваюсь пойти к минеральным водам, чтобы подлечиться», – говорил он. Он был окружен своими вассалами, которые выказывали ему большое уважение. Хоть черкесская знать и независима, она все же обычно располагается в определенном порядке вокруг какого-нибудь богатого и влиятельного князя, сопровождая его на охоте, следуя за ним на поле битвы. Этот обычай придает величественный вид князьям, которые, впрочем, не очень отличаются от узденей ни в своем одеянии, ни в образе жизни. Обычай дает большую власть древним родам – Джембулатовым, Бекмурзиным, Мисостовым и Атажукиным – и покровительствует особенно их склонности к бродячей жизни и разбою, ибо князь везде находит отважных узденей, готовых разделить с ним опасность и доходы от их поприща. Они объезжали окрестности большими отрядами, захватывали людей, которые удалялись от военных постов без охраны, похищали стада скота и лошадей и даже нападали несколько раз на русские поселения, проскользнув через кордон по самым трудным тропам под покровом ночи. Они никогда не берут с собой провиант: если охота, столь обильная в этих местах, не даст им достаточной пищи, они имеют право взять барана из каждого стада, которое встретят, а в случае необходимости они умеют обходиться без пищи в течение одного или двух дней. Ночью они находят убежище под какой-нибудь скалой; их широкие бурки служат им одновременно и подстилкой, и одеялом; их лошади, не знающие другого корма, кроме луговой травы, находят здесь ее повсюду в изобилии; их стреножат специальными ремешками, чтобы они не могли далеко уйти от хозяев. Если приближается враг, они сначала вскакивают на лошадей, затем рассматривают его издали, чтобы сравнить его силы со своими; если он более силен, они находят спасение в бегстве, вынимая на ходу ружья из чехлов. Им практически всегда удается ускользнуть потому, что их лошади более ловкие, чем лошади их врагов, и потому, что они лучше знают тайные тропы. Но если враг оказывается намного слабее, они совещаются и окружают его: если он сдается без сопротивления, они не причиняют ему зла, они его только грабят, связывают ему руки и ноги и увозят как пленника. Если он из низшего класса, они его продают туркам как раба, но если это кто-нибудь, за кого они могут надеяться получить хороший выкуп, они ему надевают железное кольцо на шею, привязывают к ножке кровати в своей хижине, чтобы держать его на виду, до того, как он будет выкуплен.

В тот же день, то есть 10 июля, генерал решил сделать экскурсию на Кинжал, который был частью Передового хребта гор Кавказа. Взяли только две кибитки и провиант на три дня. Конный отряд и несколько пехотинцев составили нашу охрану. Один из князей, самых верных

русской короне, из рода Атажукиных, сообщил о своих прогулках в окрестностях Кинжала. Причиной к более точным исследованиям послужил кусок свинцовой руды, который выглядел весьма насыщенным. Мы перешли Малку по мосту, о котором я говорил выше, и продвигались в маленькой долине по ручью, впадавшему в эту реку. Повернув налево, мы направились к высотам, от них долина Малки оставалась с юга. Постоянно поднимаясь, мы прошли несколько плоскогорий с пышной зеленью.

Пройдя несколько часов, мы удалились от нашего лагеря на Малке в юго-восточном направлении, к заметной вершине, выдающейся своей формой высокого мыса и белым цветом скал, из которых она сложена. За свой цвет скал она получила название Белый Яр (Белая гора). Мы остановились недалеко на возвышенности, которая называлась холмом Магомеда (Магомедов курган), откуда открывается Кинжал и Центральный хребет Кавказа.

Передовой хребет Кавказа, чьи вершины почти полностью состоят из песчаника, имеет форму очень вытянутого плато и удостоивается внимания географов и историков. Песчаник дает родниковым водам сток, легкий и свободный, лучше задерживает дождевую воду, чем известковые скалы и трахит. Несомненно, по этой причине трава, покрывающая эту гору, имеет прекрасную свежесть. Черкесы с давних пор используют эти великолепные пастбища: когда из-за жары и насекомых пребывание в долине становится невыносимым для отар, они пасут их в горах, где трава еще нежная, а воздух свежий. Они разделили эти луга на несколько владений. Каждая видная семья имеет гору, которая принадлежит преимущественно ей, хотя их право собственности не исключительно. Таким образом, каждая гора первого хребта получила отдельное название, в то время как среди вершин, покрытых вечными снегами, которые составляют Центральный хребет, различают только самые высокие – Эльбрус и Казбек.

Продвигаясь вперед с востока на запад по Передовому хребту Кавказа, где он наиболее приближен к Центральному хребту, образующему вереницу пропастей, обращенных к югу, прежде всего можно встретить Инал, который назван по благородной фамилии черкесского князя. К востоку от Инала глубокой расщелиной отделяется остроконечная вершина, покрытая пиками необычной формы, которые дали вершине черкесское название Науджица, или по-русски – Бабий Зуб, что означает «зуб старой женщины». Инал простирается на запад до горы Кинжал, затем идет Бермамыт, Mavoahanna¹⁵, Пагун, Эльмурза, Kacheghgha¹⁶, Очкор, последний простирается до правого берега Кубани. К концу нашей экспедиции мы прошли вдоль всю гряду гор. В продолжение этого доклада я его опишу более детально, а теперь вернемся к нашему походу на Кинжал.

Мы подошли к краю пропасти, внизу которой Урда несла свои пенные волны. Эта река берет свое начало между Кинжалом и Иналом, идет вдоль последнего, направляясь на восток, и увеличивается за счет притока нескольких ручейков, среди которых выделяется Псыпса. Она мчится из расщелины между Науджицей и Иналом и впадает, наконец, в Баксан, получив название Кенделен. С места, где мы остановились, можно увидеть долину Баксана, но устье Кенделена скрыто горой. Взору открываются... Инал, Кинжал и в глубине картины Центральный хребет, покрытый снегом. Это все создавало очень живописный ансамбль. Пока мы ждали прибытия наших кибиток, которое задерживалось по случайности, генерал решил спуститься на берег Урды и подняться вверх по реке как можно дальше.

Спуск был тяжелым: долина Урды узкая, и с двух сторон к ней прилегают крутые горы. Мы шли очень близко к реке, которую нам приходилось несколько раз переходить вброд, когда обвалы мешали нам идти по одному берегу. Вскоре с правой стороны мы заметили пещеру, которую осмотрели. Она была просторной, достаточно глубокой и разделена на несколько камер; струйки воды устремлялись вниз с высоты скал. Мы обнаружили следы копоты на сво-

---

¹⁵ Так в оригинале – без перевода. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Дорога к месту, где пасутся овцы.

дах. Нам сказали, что горцы иногда здесь живут, когда пасут своих овец в долине Урды. На небольшом расстоянии от этой пещеры река настолько сужается между скалами, что продолжать наш путь стало невозможно. На берегах Псыпсы, что впадает в Урду в этом месте, мы немного отдохнули в тени скалы, которая нависала над нашими головами. Затем мы вернулись в лагерь на Магомедовом холме той же дорогой, что и пришли.

На следующий день, 11 июля, в четыре часа утра мы снова покинули наш лагерь, чтобы осмотреть верховья Урды, куда мы не смогли добраться накануне. Генералу доложили, что там находили графит. Мы шли несколько часов в направлении, параллельном хребту, Иналу и Кинжалу, по очень неровной местности и спустились в долину, образованную слиянием двух маленьких рек. Мой барометр показывал высоту 5 тысяч футов над уровнем моря. В десять часов утра для ясной и спокойной погоды было достаточно свежо, температура близлежащих родников была лишь 4 °R. После скромного завтрака мы снова пустились в путь. Трудными тропами мы прошли несколько крутых гор и, наконец, оказались на берегу глубокой и узкой долины, куда нужно было спуститься. Это была все еще долина Урды, но мы были ближе к ее верховьям, чем в первый раз. Тропинка, по которой нужно идти, совершая множество поворотов, в некоторых местах настолько крута, что мы вынуждены были слезть с лошадей и вести их под уздцы. Я уже говорил, что Центральный хребет Кавказа, вулканического происхождения, имеет совершенно другой вид, нежели Передовой хребет. Здесь находишься на границе двух формаций: уже видно несколько слоев пористой и черной лавы, прорвавшейся на поверхность через трещины в известняковой скале. Урда несет свои стремительные воды в глубину огромной бездны. Мы впервые побывали в тесно сжатой пропасти. Песчаники, покрывающие возвышенности, часто имели вертикальные трещины; огромные пласты отрывались и катились в пропасть или останавливались на каком-то расстоянии от места падения. Скалы, от которых они оторвались, долго представляют собой выступающие углы от недавнего излома, острокопечные горы, шпиль и множество других причудливых форм.

Когда мы пришли на берег Урды, черкесы, наши проводники, показали нам несколько кусков глинистого сланца, усыпанного слюдой, которую они принимали за графит. «Но немного дальше есть другие», – говорили они. Генерал решил следовать за ними дальше. Нам еще предстояла длинная дорога, и не было возможности вернуться в лагерь на Магомедовом холме до наступления ночи. Генерал послал нарочного привезти наши кибитки в долину, где мы завтракали сегодня. Очень быстро мы поднялись по склону, покрытому берегами. Чтобы выйти из долины Урды, самым отважным всадникам пришлось спешиться: очень трудно было заставить лошадей подняться с нами. После трех дней пути мы снова спустились, чтобы добраться до берегов достаточно широкой реки, которая называется Кинжал, по названию горы, где она берет свое начало, и именно здесь черкесы нам сказали, что графиты еще в шести верстах и дорога, которая ведет туда, следуя вдоль берега Кинжала, сейчас непроходима, так как река, наполненная дождевыми и тальными водами, в нескольких местах вышла из берегов. Впрочем, уже было три часа дня, и мы были изнуренными от усталости, поэтому генерал решил возвращаться в лагерь.

Ужас этого перехода еще живет в моем воображении. Мы поспешили скорым шагом вдоль невероятной пропасти; узкая тропа то шла вдоль скалы, осколок которой создал неустойчивый наклон в центре ее склона, где наши лошади спотыкались на каждом шагу, то нужно было переходить кругую гору, покрытую скользким дерном, с которого только что сошел снег. Нам угрожало быть застигнутыми ночью. Солнце почти зашло, когда мы двинулись вдоль Кинжала со стороны, ведущей к Центральному хребту, от которого она отделена глубокой и широкой долиной. Дорога была шириной в несколько футов, но настолько крутая, что лошади с трудом продвигались по скользкому гравия, который рассыпался под их ногами; по правой стороне у нас была стена из скал, а по левой – пропасть. К счастью, мы вышли на плато до наступления ночи и пришли в лагерь, залитый прекрасным лунным светом. Здесь мы провели

ночь в холоде, всего на несколько градусов превышающем уровень замерзания воды. На следующий день мы вернулись в наш первый лагерь вблизи Каменного моста на Малке.

13 июля мы продолжили наш поход, снова поднявшись в долину Кичмалки. В этот день мы прошли всего лишь 20 верст. 14-го числа, после того как преодолели несколько гор, мы вошли в глубокую долину Хасаут. Отсюда у нас была еще одна прогулка. Я опишу лишь ее самые примечательные пункты об исследовании графитов, которые черкесы использовали уже давно. Мы взяли сведения, более основанные на опыте, и в этот раз надежда что-либо найти была лучше обоснована. Я не буду говорить о трудностях, которые нам пришлось преодолеть, они были того же рода, что и те, картину которых я уже нарисовал, те, что испытывает путешественник, когда переходит долины Кавказа, вместо того чтобы следовать их направлению. После того как мы поднялись на очень крутой склон, мы перешли несколько плоскогорий, высота которых над уровнем моря составляла 6–7 тысяч футов. На Кавказе средняя температура, которая соответствует этой высоте, благоприятна для берез; они покрывают то там то здесь наименее отвесные склоны; плоскогорья обычно имеют степной характер: ни одно дерево не мешает взору, направленному на юг, на Центральный хребет, и на север, на равнину, в которой плоскогорья Кавказа теряются незаметно.

Мы ненадолго остановились на равнине, покрытой кучами камней, которые, казалось, были собраны рукой человека. Именно здесь, сказали наши черкесские гиды, жили франки, чей король Кубань дал свое имя реке Кубани. Наконец, на склоне очень крутой горы мы обнаружили несколько беспорядочных раскопок, давших куски сернистого свинца, который нам приносили раньше. Шахта небогатая, но, поискав лучше, вероятно, можно найти более содержательные. В данный момент любая разработка в этих краях становится почти невозможной из-за трудности расположиться там.

Та же дорога, которой мы пришли, снова привела нас в наш лагерь на берегу Хасаута. Мы покинули его на следующий день. По мере того как мы преодолевали возвышенности, расположившиеся между Бермамытом и Центральным хребтом, мы все больше и больше приближались к Эльбрусу. Погода не была благоприятной: постоянные ливни делали дороги непроходимыми и переполняли реки, а нас порой окутывала мара, вызванная ливнями, и горы терялись из виду. Мы были почти постоянно окутаны туманами, вызывавшими недомогания. Генерал огорчился бы, если бы одна из главных целей экспедиции – восхождение на Эльбрус – не была достигнута, и решил ждать благоприятного момента, который вскоре наступил. 20 июля, оставив в долине реки Харбаз, что находится на границе песчаных и трахитных гор, повозки и оружие с маленьким отрядом для их охраны, мы прошли трудными тропами первый предел Центрального хребта, спустились в верхнюю долину Малки, которая берет свое начало у основания Эльбруса, и разбили лагерь у подножия этой же горы, на высоте 8 тысяч футов над уровнем океана.

На следующие утро, 21 июля, генерал поднялся на одну из возвышенностей, окружавших наш лагерь, чтобы осмотреть дорогу, по которой мы должны были направиться, если это возможно, до вершины Эльбруса. Тотчас же он собрал вокруг себя казаков и черкесов, которые должны были нас сопровождать, и пообещал значительные вознаграждения тем из них, кто первым достигнет вершины: первый должен был получить 400 руб., второй – 200. Если даже не будет возможности дойти до самой верхушки, то и тот, кто преодолеет половину снежного конуса, будет вознагражден. Мы пустились в путь в 10 часов утра. Перейдя Малку, мы были вынуждены отпустить лошадей, потому что предстояло преодолеть нагромождения скал и дальше идти только пешком, карабкаясь и прыгая с глыбы на глыбу. Пехотинцы и казаки из нашей охраны были нагружены багажом и небольшим количеством дров. После 6 часов пути, то есть в 4 часа после полудня, мы, наконец, пришли к границе снегов. Мы уже видели, что Центральный хребет Кавказа состоит из трахита. Представьте себе вытянутое плато на высоте от 8 до 10 тысяч футов, разорванное во всех направлениях узкими и глубокими доли-

нами, пересеченное в середине. На фоне живописной картины тянется гребень крутых скал. Почти в середине этого гребня есть очень широкая и неглубокая впадина. Выдающиеся скалы гребня закрывают вид на конус с двумя вершинами, покрытыми вечными снегами, и они видны лишь небольшими пятнами. Этот конус – Эльбрус, его высота превышает на 3–4 тысячи футов высоту окрестных вершин. Мы провели ночь у подножия этого конуса, в низине, укрытой огромными глыбами черного трахита. В ее центре образовалось небольшое скопление талой воды. Ни следа зелени, лишайники едва покрывают скалы. Это место было всего лишь сотней футов ниже границы вечных снегов. Мы спали на обломках скал, которые скопились в этой низине. Ночь была очень холодная, я просыпался несколько раз, чтобы наслаждаться прекрасным зрелищем, которое нам дарил в этот момент эта пустыня из скал и снега, освещенная луной. Эта картина величественной простоты глубоко врезалась в мою душу. Она состояла только из трех оттенков: серебристого снега, сверкающих звезд, синевы неба – и все это на фоне черных скал, смешанных с тенями ночи; но живописное соединение форм, мягкость контуров, последовательность оттенков и, наконец, царившее спокойствие, дивный отдых, которым наслаждалась моя душа, придавали невыразимую привлекательность этой картине, и никогда в моей жизни ничего более чарующего не представало перед моим взором. На следующий день, когда мы были на самой вершине, мои силы были исчерпаны, у моего воображения, пораженного опасностями, которые меня окружали, не было ни достаточно энергии, ни достаточно свежести, чтобы собирать разнообразные впечатления, которыми, так сказать, оно было завалено; мои глаза, ослепленные сиянием снега, искали в тенях долины лишь немного отдыха, осознание моего месторасположения преобладало, чтобы я мог наслаждаться чем-либо новым, что я видел вокруг себя.

Сев под скалой, на которой мы накануне нарисовали пентаграмму (на пяти углах ее находились начальные буквы наших имен), я созерцал этот полностью покрытый снегом конус: к вершине он разделялся на два пика, угловатые пласты льда и спрессованного снега собирались во впадине, разделяющей их; возможно, пласты оторвались от вершины, откуда они скатились в низину. Снега покрывают пропасти; воды бьют ключом со склонов горы или собираются в полости углублений скал, тают и уносят нижние слои; остается только легкая корка, образующая своего рода мост над пропастью, его не видно, но воображение превосходит истинную глубину. Активность постоянно беспокойной атмосферы, быстрые изменения температуры, последовательное замерзание и таяние воды, которая проникает в расселины скал, значительно ускоряют их разрушение: отрываются огромные глыбы, которые скатываются в пропасти и разбивают все, что встречают на своем пути. Стремительные ветры, снежные вихри, которые не только угрожают засыпать путешественника, но и скрывают из виду долину, к которой он держит путь, когда возвращается, в то же время стирают следы шагов, указывающих ему дорогу, по которой он должен идти; снежная поверхность очень покатая и скользкая, ее возможно преодолеть, только используя трезубцы: единственный промах – и упадешь в пропасть – вот опасности, которые нас ожидали. С другой стороны, момент был благоприятен, случай уникальный, лунный свет предвещал прекрасное утро; для осуществления этой затеи была лишь одна возможность, потому что генерал не смог бы пойти на то, чтобы подвергать дольше свое маленькое войско такой опасности и таким лишениям. Дорога к Эльбрусу после нас снова закроется на длительное время; жертвы, требующие такого путешествия, слишком велики, чтобы можно было предпринимать его часто. Нас можно было бы упрекнуть, в том, что мы не воспользовались в полной мере случаем сколь блестящим, столь и преходящим. Знание о породах, из которых сложен Эльбрус, должно было мне дать ключ к геологическому явлению, которое я прежде наблюдал. Смещение слоев, при приближении к Центральному хребту, лава, которую я уже встречал, форма гор, которые поднимались перед нами, – все способствовало тому, чтобы заставить меня поверить, что Эльбрус должен был состоять из вулканических пород. Эльбрус – самый грандиозный продукт извержения, которое подняло Кавказ, показывает весь

Центральный хребет; можно было бы предположить, что геологический профиль, частью которого является также и Эльбрус, дал бы наиболее точное и наиболее полное представление о геологическом строении Кавказа. Оживленные желанием постичь решение стольких проблем, мы поднялись в три часа утра, вооружившись лопатой, несколькими подкованными железом трезубцами, веревкой и запасом провианта. Мы пустились в путь, после того как приказали нашим пехотинцам и большей части казаков ждать нас. Через четверть часа мы были уже на снегу; вначале склон не был крутым и мы продвигались с легкостью, помогая себе время от времени трезубцами, но вскоре подъем стал настолько трудным, что мы вынуждены были рубить ступени в снегу, который был еще до-статочно твердым, чтобы нас выдержать. Хотя долина позади нас была еще окутана туманом, мы наслаждались хорошей погодой. Луна достигла небесного свода, и светлый блеск ее диска составлял приятный контраст с синевой неба, которая при ярком освещении была на этой высоте столь густа, что ее можно было бы сравнить почти с цветом индиго. Несмотря на свежий ветер, дувший с горы, туман медленно поднимался за нами, расстилаясь у наших ног белой пеленой, он уже покрыл низину, где мы провели ночь и которую мы только что покинули. Туман грозил окутать нас самих. Но скоро лучи солнца, проникавшие сквозь марево с возрастающей энергией, разорвали его в нескольких местах; скоро вся долина предстала перед нашими восхищенными взорами, очертания вершин Передового хребта Кавказа прояснились перед нами. Самые высокие вершины этого хребта – Инал, Кинжал, Бермамыт – расположены на почти полукруглой линии. По направлению к центру все увеличивалось хаотическое нагромождение вершин и пиков, покрытых вечными снегами. Их вид представляет часть огромного кратера, посреди которого возвышается в виде конуса громада вулканических масс, превосходящая высотой края кратера. Двигаясь вперед то зигзагом, то по прямой линии, несмотря на все трудности подъема, участники экспедиции невольно восхищались окружающей их волшебной картиной. Поспешность, с которой мы двигались, чтобы достичь вершины раньше, чем поверхность снега будет размягчена солнечными лучами, истощила наши силы, и мы, в конце концов, должны были останавливаться для отдыха почти на каждом шагу. Разреженность воздуха такова, что дыхание не в состоянии восстановить потерянные силы. Кровь сильно волнуется и вызывает воспалительные процессы в наиболее слабых частях тела. Мои губы горели, мои глаза страдали от ослепительного блеска солнца, хотя я по совету горцев зачернил порошком лицо около глаз. Все мои чувства были притуплены, голова кружилась, время от времени я чувствовал необъяснимое изнеможение, которое я не мог преодолеть.

Ближе к вершине Эльбрус представляет ряд голых скал, образующих нечто вроде лестницы, которая очень облегчает подъем. Однако Мейер, Менетрие, Бернардацци (молодой архитектор, живущий на Минеральных Водах и сопровождающий нас во всех наших поездках) и я чувствовали себя настолько утомленными, что решили отдохнуть час или два и с новыми силами отправиться в путь. Несколько казаков и черкесов, сопровождавших нас, последовали нашему примеру. Мы укрылись от ветра под огромной скалой черного трахита, который образует первый уровень скал. Здесь маленькое пространство было лишено снега; я оторвал несколько кусочков скалы для моей коллекции. Мы были на высоте 14 тысяч футов над уровнем моря, нужно было подняться еще на 1400 футов, чтобы достичь вершины Эльбруса. Я хотел заставить колебаться магнитный маятник, который я привез, но казак, который нес ящик с инструментами, еще не пришел. Солнце, бросающее лучи почти перпендикулярно на наклонную поверхность снега, размягчило его до такой степени, что он не мог более нас выдерживать. Медля с возвращением, мы рисковали провалиться в трещины, запорошенные снегом. Не превзошел ли этот первый опыт наши надежды? Вступая в Кавказские горы, мы считали Эльбрус недоступным, через две недели мы находились уже у его вершины. Не достаточно ли принести с собой с вершины Эльбруса ту же породу, которая составляет Пичинчу Кордильер, наблюдать самые важные геологические связи Кавказа, подняться до высоты Монблана? Я мог

надеяться, что господин Ленц, который нас обогнал, достиг бы вершины и измерил бы высоту барометром, который он нес с собой. Сопровождаемый двумя черкесами и одним казаком, он постоянно двигался вперед, взбираясь по лестнице скал, о которых я говорил выше. Достигнув последнего выступа ступеньки, он увидел, что его от вершины еще отделяет снежный наст, который надо было преодолеть, и снег оказался настолько мягким, что с каждым шагом мы проваливались по колено, рискуя совсем завязнуть в талом снегу. Его попутчики казались склонными больше не идти вперед, и это было большим риском, чем попытаться пойти совсем одному; впрочем, уже прошел час, и нужно было думать о возвращении, чтобы не быть застигнутыми ночью до прихода в лагерь. Наконец Ленц решил вернуться, не достигнув вершины, которая, однако, как мы увидели позже, возвышалась, пожалуй, футов на 600 над местом его последней остановки. Спуск был очень трудным и очень опасным. Снег, который несколько часов назад выдерживал нас, проваливался под нашими ногами, где образовывались ямы, позволявшие увидеть устрашающую глубину пропастей под нашими ногами. Казаки и черкесы, следовавшие за нами, связали себя попарно веревками, чтобы оказывать друг другу помощь. Я чувствовал себя столь слабым от усталости, что для быстроты движения опирался на двух человек, обхвативших меня руками, а когда спуск стал менее крутым, я растянулся на бурке, которую тащил какой-то черкес. Каждый думал только о себе и как скорее миновать грозившие нам опасности. Мы разделились на группы. Желание как можно быстрее достичь лагеря заставило нас забыть, что мы находимся среди черкесов, в которых мы не были уверены, и, похитив нас, они приобрели бы прекрасную добычу. Мы не заметили, как они нас увели по более короткому пути, удаляющему нас от наших спутников. Мы были полностью в их власти, однако нам не пришлось раскаиваться в своей доверчивости. Выйдя за снеговую линию в узкую лощину, дно которой было покрыто обломками ближайших скал, покрытых ледяной коркой от изморози, мы спустились к берегу небольшого ручья, впадающего в Малку, который и привел нас по удобной тропинке к нашему лагерю. Ленц начал спускаться позже с большей частью нашей охраны и прибыл другим путем уже ближе к ночи. Весь этот достопамятный день генерал сидел около своей кибитки, следя за нашим восхождением через превосходную трубу Доллана, которую я оставил в его распоряжение. Как только туман, застилавший утром долину, рассеялся, генерал увидел, как мы поднимались по покрытому снегом конусу, как добрались до первого уровня скал, которые простирались до самой вершины Эльбруса. Здесь мы разделились на две группы: одна продвигалась к вершине, в то время как другая стояла. Но вдруг он заметил единственного человека, который обогнал всех остальных и почти преодолел снежную поверхность, отделяющую от вершины последний уровень скал, о которых мы говорили. Он приблизился к крутой скале, образующей саму вершину, и, свернув, слился с чернотой скал, и затем исчез в тумане, вновь окутавшем долину и скрывшем Эльбрус из виду. Он взошел в одиннадцать часов утра. Генерал не мог больше сомневаться, что кто-то из нас не взошел на вершину. По цвету его одежды можно было хорошо рассмотреть, что это был черкес, но по его силуэту на таком расстоянии трудно было его узнать. Генерал приказал бить в барабаны и сделать несколько выстрелов из мушкетов, чтобы возвестить всему лагерю об этом знаменательном событии. Затем он терпеливо ждал нашего возвращения.

Килар, так звали черкеса, который достиг вершины Эльбруса, сумел лучше нас воспользоваться утренним холодом и значительно раньше нас миновал границу вечных снегов. Когда Ленц достиг места своей последней остановки, Килар уже возвращался с вершины. Снег начал размягчаться только с одиннадцати часов. Он же шел по твердому насту до самой вершины и, только спускаясь, встретил те же трудности, что и мы. Несмотря на то что он прежде никогда не пытался покорить вершину, он все же поднялся на значительную высоту. Он вернулся в лагерь на час раньше, чем мы, чтобы получить от генерала вознаграждение, полагающееся ему за мужество. Но генерал дождался возвращения всех, чтобы придать церемонии большую торжественность. После того как расположились за столом, на глазах у всего лагеря генерал

выплатил ему вознаграждение, которое предназначалось тому, кто первым достигнет вершины, добавив к этому кусок сукна на кафтан, и мы выпили за его здоровье. Мы решили увековечить память этого дня надписью, начертанной на одной из скал в окрестностях нашего лагеря. Следующий день был отведен для отдыха, в котором мы действительно нуждались. Наши глаза были воспалены, губы растрескались, кожа на ушах и на лице висела клочьями. Многие из нас настолько обессилили после восхождения, что смогли восстановить свои силы лишь позднее, по возвращении на Минеральные Воды. Я тщетно пытался проверить походной триангуляцией высоту Эльбруса, которую мы вычислили барометрическим измерением. Испытанные мной тяготы не позволили мне действовать быстро, и прежде чем я закончил измерения, вершину заволочили густые облака, в которых она больше не появилась. Обеденное время снова собрало нас в кибитке генерала, окруженного черкесскими князьями и казачьими офицерами нашего эскорта. Несколько бутылок шампанского, которые наши мусульмане, чтобы не нарушать закон пророка, выпили как щербет, скоро оживили наши умы. Тост за Его Величество императора сопровождался мушкетным залпом. Поддержка государя, который терпимость и кротость считает своими наибольшими добродетелями, привела к тому, что люди разных сословий и верований, ненавидящие друг друга, объединились в одной кибитке в столь естественном для них желании расширить свои знания и способствовать достижению единой цели.

Здесь заканчивается первая и наиболее важная половина нашего путешествия. Мы приблизились к прекрасной долине Кубани. Возвращаясь тем же путем, что прежде прошли, мы достигли того места, где оставили пушки и большую часть багажа. По пути мы посетили водопад Тузлук-Шапа, образованный недалеко маленькой речкой, впадающей в Малку. Хотя в Центральном хребте Кавказа часто встречаются скалы с крутыми склонами и пропасти с расщелинами по краям, тем не менее, все причуды природы оживают, благодаря движению ниспадающей каскадами воды, которая создает изысканные детали прекрасного пейзажа. Однако надо признать, что Кавказ представлен меньшим количеством живописных мест, чем Швейцарские Альпы и Тироль. Характерная для него сухость, однообразие, простота геологических образований, его составляющих, исключают яркость красок и разнообразие очертаний и свежесть, которые придают невыразимую привлекательность ласкающим взор долинам Швейцарии. Взгляд путешественника напрасно ищет жилище или возделанное поле; он не видит ничего, кроме пустынных скал и степей. И даже этот вид скрыт от него почти постоянным туманом. 25 июля мы снова покинули долину Харбаз в сопровождении всех наших военных и всего багажа, чтобы вновь выйти на дорогу, ведущую к Бермамыту, против которого мы разбили наш лагерь на просторном лугу.

После того как мы посетили Кизил-кол (Красная река), где обнаружили кисловатый железистый минеральный источник, мы навсегда удалились от Центрального хребта Кавказа. Далее нас сопровождал хребет песчаных и известковых гор, частью которого является Кинжал. Хребет тянется до Кубани параллельно трахитовой гряде. Все время мы двигались на запад по дну длинной и широкой долины, расположенной у подножия группы крутых скал, часто принимающих самые странные очертания. Порой это была светло-охристая стена, возвышающаяся над равниной, поросшей зеленью; она состояла из горизонтальных слоев, где встречались башни и пики, которые грозили нам обрушением, – настолько они казались неустойчивыми в своем основании, покрытом ее же обломками. Мы шли по долине реки Эшкакон, все время держась этих высот. Именно здесь год назад генерал дал сражение карачаевцам. Вид самой долины терялся в тумане. Мы расположились на возвышенности, где генерал разбил лагерь. Там мы заметили могилы двух братьев князя Джерандука, сопровождавшего нас. Они сражались на стороне русских. К полудню мы остановились на прекрасном лугу, расположенном у подножия горы Пагун, где вода и дрова были в избытке. Недалеко от этого места находился исток Подкумка.

На следующий день, 27 июля, мы продолжили наш путь на северо-запад, двигаясь вдоль той гряды отвесных скал, о которой мы уже говорили; черкесы называют ее Эльмурза. Кума берет свое начало у основания этих скал. Весь этот край с хорошим лесом и имеет более приятный вид, нежели окрестности Эльбруса. Позавтракав у подножия Кошгуэгу¹⁷, к часу дня мы спустились в долину Хумары, речушки, впадающей в Кубань. Выбранное для лагеря место отличалось прекрасными видами со всех сторон. Мы все еще были зажаты крутыми горами, но голые скалы сменялись холмами, увенчанными лесом. Орошаемый чистыми водами Хумары дерн был весьма пышен. Туман, почти все время преследовавший нас, остался далеко на возвышенностях.

Лоо, князь Абазии, одолел Кубань вплавь, чтобы нанести визит генералу. После недавнего бунта черкесов, живших в этом краю, их вытеснили за Кубань и, чтобы учредить естественную преграду их набегам, им запретили селиться на правом берегу этой реки. Поэтому князь Лоо также жил на другом берегу Кубани. Он разделся, чтобы ее переплыть, а затем его облачили в казацкую одежду, чтобы он мог предстать перед генералом. Идя по течению Хумары, мы, наконец, пришли в долину Кубани, которая стала последним этапом нашего путешествия. Ее сток настолько пополнился тальми водами, что перейти ее вброд не представлялось возможным.

Поднявшись несколько верст по Кубани, мы разбили лагерь у самого ее берега.

Развалины церквей и могил в этой прекрасной долине свидетельствуют о прежней здесь жизни. Часто встречались камни, то лежащие, то расположенные вертикально, на которых явно просматривались следы римского креста. На других камнях появлялись более поздние даты и надписи на арабском языке. На другой стороне Кубани, против нашего лагеря, возвышались развалины церкви, построенной на крутой скале. Говорят, немного дальше есть и другая. Ранее мы составили план посещения обеих, но, к сожалению, стремительный поток Кубани, который опасно было переходить, помешал. Лишь река отделяла нас от этой церкви, и мы были вынуждены довольствоваться наблюдением издали при помощи подзорных труб. Развалины хорошо сохранились. В плане – квадрат с округлыми апсидами; вход расположен с западной стороны, алтарная часть – с восточной. С этой стороны выделялись три апсиды, и они, несомненно, соответствовали трем внутренним нишам, предназначенным для стольких же престолов.

В этот же день мы совершили прогулку к Каменному мосту Кубани, расположенному десятью верстами выше упомянутых развалин. Долина Кубани достаточно широка и с хорошим лесом; здесь часто встречаются буки, порой лозы дикого винограда обвивают стволы вязов, яблони растут то тут, то там без чьей-либо заботы. Скалы, то обрывистые, то вздымающиеся уступами, украшены зеленью и находятся на некотором расстоянии от течения реки. Буйная растительность все больше и больше расширяет свои владения, покрывает пропасти густым кустарником, оплетает глыбы скал гирляндами плюща. Несколькими верстами выше нашего лагеря долина Кубани сужается. Какое-то время мы шли по узкой тропе, проложенной между отвесной скалой и пропастью, в тальвеге которой пенятся волны Кубани. Но вскоре горы расступаются, чтобы пропустить две реки, Мару и Теберду, впадающие в Кубань. Первую мы преодолели вброд и вскоре оказались у подножия скал, сложенных из диоритов, подобных тем, из которых сложены склоны Центрального хребта.

Прежде чем мы дошли до Каменного моста, мы миновали равнину с руинами ногойского погоста. Раньше здесь был значительный аул, который уничтожен войсками генерала Ермолова, одержавшего кровавую победу над черкесами. Один из казаков нашего эскорта, сражавшийся в тот день, нашел на поле битвы саблю и показал ее мне. Она оказалась очень старой и имела надпись: «Генуя». Могли ли генуэзские колонии простираться до этих пределов?

---

¹⁷ Дорога переселенцев.

Дно долины резко поднимается совсем рядом. Огромные глыбы трахитовых скал – породы, из которой сложены окрестные горы, настолько сужают реку, что она пробивается, сильно шумя, и ниспадает каскадом с высоты нескольких футов. Это и есть то, что называют Каменным мостом Кубани. При помощи брусьев нам бы было легко перейти реку в этом месте даже без нашего эскорта. Нескольких досок вполне бы хватило, но, перейдя реку без оружия, мы рисковали оказаться в плену. Обследовав окрестности, мы стали возвращаться в лагерь, куда пришли к вечеру.

На следующий день мы ушли ранним утром. Полуденная жара усиливалась по мере того, как мы шли, и не позволяла нам работать весь день. 29 июля мы прошли по Кубани и посетили Очкор. С этой вершины мы увидели развалины какого-то редута. С этого места мы наслаждались великолепным видом Центрального хребта, над которым в этот момент клубились тучи. Сама возвышенность походила на горы Передового хребта. Поднявшись наверх, мы почувствовали, как перенеслись в широкую степь и оказались посреди плато, окаймленного с юга Центральным хребтом и пересеченного с юга на север широкой расщелиной, в глубине которой виднелась бегущая Кубань.

30 июля, свернув направо, мы покинули Кубань и направились к Кислым Водам (Кисловодск), которые находятся в 40 верстах от Горячих Вод (Горячеводск). В общем, мы следовали по направлению Кордонной линии. Всюду офицеры разных постов Линии шли нам навстречу. Генерал внимательно осмотрел все средства обороны, которые он ранее предоставил в их распоряжение.

31-го мы остановились на берегу Кумы, недалеко от редута Ахандукова. 1 августа, позавтракав около Бургустанского редута, на слиянии Эшкакона и Подкумка, мы направились к Кислым Водам, куда пришли к полудню того же дня.

Кисловодск зажат горами средней высоты, которые скрывают от жителей этой колонии вид Центрального хребта. Дома современной архитектуры для недужных, которые прибывают сюда в последние месяцы лета в большом количестве, расположены весьма упорядоченно вокруг водоема; в нем видно, как бурлит прозрачная вода, насыщенная углекислым газом. Температура этого источника не превышает 12 °R. Вода содержит углекислый газ в избытке: его самопроизвольное выделение вызывает бурление, что удивляет наблюдателей. С той возвышенности, где мы разбили лагерь, можно было любоваться приятным видом на Нарзан – как этот источник называют черкесы. Он находится на слиянии двух речек: Березовки и Ольховки; именно в первую источник выносит свои обильные воды. Колодезь окружали две крытые галереи и несколько домиков, где располагались купальни. Немного дальше – дом владельца ресторации и жилища больных, и, наконец, в глубине – хижины казаков, которые составляют гарнизон этого поста. Вокруг источника поднимаются террасы. Мы снова поднимаемся по Березовке, стремящейся от скалы к скале в узком проеме аллеи лип и кленов. Хотя здесь нигде не полюбуешься внушительным видом Центрального хребта, однако холмы вокруг Нарзана не умаляют живописности местности. Углекислота слабо соединена с водой Нарзана и легко выделяется, отчего эту воду совершенно невозможно перевозить далеко; она продается только поблизости. Причина в том, что при распаде количество солей в воде незначительно. Вода, если можно так сказать, чиста и содержит лишь углекислоту. Известно, что чистая вода мало способна задерживать этот газ при невысокой температуре.

2 августа мы снова пустились в путь, чтобы добраться до Горячеводска, где наше путешествие должно было закончиться. Сообщение по берегам Подкумка между Горячими и Кислыми Водами сильно облегчала очень хорошая дорога. С некоторых пор, благодаря бдительности генерала Емануеля, здесь можно было путешествовать в полной безопасности и даже без охраны, по крайней мере днем. Нас сопровождало большое число князей. Среди них выделялись: упомянутый прежде старый Жанхот, претендующий на происхождение от последних султанов, правивших в Крыму, Крым-Гирей и другой – имя которого я забыл, награжденный

древнеперсидским орденом Солнца. Толпа молодых людей, привлекаемая как любопытством, так и желанием показаться генералу, заискивала перед ним.

Предложили состязания, выполняемые с большой ловкостью и состоящие из следующего: один из соперников опережал нас на несколько шагов и бросал свою папаху на землю. Черкесские всадники позади нас по очереди устремлялись вперед, кто в карьер, кто галопом во весь опор, и мимоходом делали выстрел из ружья в папаху, продырявливая ее насквозь. В начале скачки всадник одной рукой вытаскивал ружье из чехла, в котором оно находилось, а другой держал узду лошади. Приближаясь к папахе, черкес бросал поводья и прицеливался, держа ружье двумя руками. В тот момент, когда он проскакивал рядом, раздавался выстрел, и папаху взлетала в воздух.

В этих состязаниях у нас была возможность полюбоваться ловкостью черкесов, покорностью и проворностью их лошадей. Всадник и лошадь, казалось, воодушевлены одним желанием, ничто не сравнится с их стремительностью, когда они в едином пылу устремляются к какой-то цели.

В Горячеводск мы прибыли к трем часам после полудня. Именно здесь закончилась наша экспедиция в горы Кавказа. Мы решили остаться еще на две недели у Горячих Вод, чтобы отдохнуть и привести в порядок заметки с полезными сведениями, собранными во время путешествия. Приятное и образованное общество, которое время от времени генерал собирал у себя, давало нам частые и незначительные поводы отвлечься. Именно на одном из таких вечеров, на которые генерал приглашал иногда черкесских князей, я увидел, как они исполняли национальный танец. С чрезвычайной гибкостью они подпрыгивают на цыпочках, крутя ступней то внутрь, то наружу; они бы быстро потеряли равновесие, если бы постоянно не меняли положение. Различные движения ног сменялись с большой скоростью. Сопровождавшая их музыка была весьма ритмична. Пытаясь удержать равновесие, они сохраняли грациозную и гордую осанку.

Посетив Бештау и железистые воды, которые находятся недалеко, мы разделились: господа Мейер и Менетрие решили еще пополнить свои коллекции растений и животных у подножия гор и исследовать Казбек, а Ленц и я снова отправились в Ставрополь. Мы намеревались поехать в Крым, но опасение чумы, появившейся на западном берегу Черного моря, заставило повсюду учредить карантин, и все нам советовали не ездить туда в этом году. Мы направились в Пятигорск и Николаев, куда прибыли 26 августа. Ленц остался там на несколько недель, где он вместе с господином Кнорром, директором астрономической обсерватории, наблюдал посекундное раскачивание маятника. Я же продолжил свой путь в Санкт-Петербург, куда прибыл 19 сентября 1829 года.

Сборник актов публичных заседаний Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. СПб., 1830. С. 47–91.

В. А. Потто. На Эльбрусе и Арарате

Верстах в трехстах к юго-востоку от Ставрополя на горизонте виднеется беловатая полоса, точно вереница облаков отдыхает на ясной голубой лазури. Но облака по нескольку раз в минуту изменяют свои очертания, а беловатая полоса, протянувшаяся вдоль горизонта, никогда не меняется. Как видели ее десятки тысяч лет назад, так видят и теперь, с тем же нежно-розовым отливом на утренней заре, с тем же слабым отблеском далекого зарева по вечерам, когда солнце уходит за горизонт и прощальные лучи озаряют окрестность. В туманную погоду и в знойные часы летнего полдня, когда мгла поднимается из раскаленной почвы, она совсем пропадает из виду. Эта белая полоса – снеговая линия Кавказа. В центре ее, несколько выдвинувшись вперед, возвышается увенчанный двуглавой короной колосс, который носит название Эльбрус¹⁸. Долгое время окрестности его были страной неведомой, куда не проникало русское оружие; и даже пытливый взор ученого, останавливаясь на нем, только издали любовался его белоснежной порфирой. Но время шло, русские штыки, наконец, проложили себе путь к его заповедным предгорьям. Это было в 1828 году, во время покорения Емануелем Карачая. Эльбрус, считавшийся не более как одной из вершин Главного хребта, каким он представляется издали, оказался самостоятельной нагорной областью. Это исполин, не только смело равнувшийся ввысь, в заоблачный мир, но и захвативший своими отрогами целую страну, населенную различными племенами, говорящими на различных языках и наречиях. Покорением этих племен выполнялась одна из важнейших стратегических задач за Кубанью; но Емануель этим не удовлетворялся. Просвещенный генерал, не будучи ученым по профессии, был одним из выдающихся меценатов своего времени. Он хотел покорить сам Эльбрус, обозреть все его окрестности, побывать на его вершине, исследовать его природу во всех отношениях – словом, сделать достоянием науки.

Для выполнения задуманного плана у Емануеля как у высшего административного лица в крае были все вспомогательные средства: войска, проводники, вьючные животные, но не было людей, которые своими исследованиями и открытиями могли бы принести пользу науке, не было ученых и специалистов. Без них же восхождение на Эльбрус было бы подвигом, достойным удивления, но бесцельным и безрезультатным. В двадцатых годах нынешнего столетия наука в России не пользовалась большой популярностью; она составляла достояние немногих избранных лиц и подобно науке средних веков, искавшей себе убежища в монастырях, работала в тиши академии, процветавшей только под эгидой русских венценосцев. Емануель пригласил членов Академии наук принять участие в экспедиции, которую намерен был предпринять летом к Эльбрусу и его окрестностям для открытия прямых и безопасных путей через этот центральный узел Большого Кавказа. Академия сочувственно откликнулась на его приглашение и с соизволения императора Николая Павловича командировала на Кавказ успешных завоевать почетное место в науке четырех своих членов: Эмилио Ленца, совершившего с Коцьюбу кругосветное путешествие и впоследствии издавшего прекрасное руководство по физике; Адольфа Купфера, профессора физики и химии; Карла Мейера, директора ботанического сада в Петербурге, и Эдуарда Менетрие, энтомолога, занимавшего должность консерватора в кунсткамере, которую он обогатил замечательной коллекцией бразильских насекомых. От Министерства финансов для геологических и минералогических исследований был назначен горный инженер Вансович, и, кроме того, к экспедиции присоединился еще один иностранец – известный венгерский путешественник де Бессе, посланный наследным принцем Габсбургского дома эрцгерцогом Иосифом в Крым, на Кавказ и в Малую Азию. Это была вторая русская ученая

---

¹⁸ Эльбрусом называют его только соседние горские племена: карачаевцы, балкарцы, чегемцы и другие. Урусбиевцам он известен под именем Минги-гау, а кабардинцам – Ошхамахо, что значит «счастливая гора».

экспедиция на Кавказ, первую совершили академики Гюльденштедт и Гмелин, посетившие Кавказ в 1769 году. Но восхождение на Эльбрус до Емануеля никто никогда не предпринимал, да и сама мысль о подобном предприятии никому не могла прийти в голову. Отчеты об ученой экспедиции в 1829 году помещены в мемуарах Санкт-Петербургской академии наук, но они, как и все отчеты ученых и специалистов, отличаются сухостью и доступны пониманию немногих. К тому же наблюдения, сделанные во время этой экспедиции, в сравнении с позднейшими исследованиями, уже потеряли цену, и само определение высоты Эльбруса¹⁹ показывает, что руководствоваться данными этой экспедиции, без сопоставления их с новейшими изысканиями, невозможно. Зато другие исследования этой академической экскурсии весьма любопытны, особенно касающиеся тех мест, о которых сохранились мемуары венгра де Бессе, туриста без всяких претензий на какую-либо ученость. Непогрешимости его путевых заметок и наблюдений несколько вредит довольно странная мания видеть во всех народах, с которыми ему приходилось встречаться на Кавказе, племена, родственные венграм, – остатки великого народа маджар, или мадьяр, владевшего будто бы всем Северным Кавказом – до берегов Дона и Каспия. Всех их он приветствовал как своих единоплеменников. Карачаевцев он уверял даже, что в Венгрии и теперь сохранилась фамилия их древнего родоначальника Карачая, представители которой поныне служат в Армии австрийского императора. Наивные горцы с немим удивлением внимали речам словоохотливого туриста, но не разделяли его национальной гордости. Довольные своим положением и внутренним устройством, они не желали никаких перемен и начали подозревать в навязываемом им родстве с мадьярами коварный умысел посадить к ним владетелем венгерского Карачая, о котором они не имели никакого понятия. Тревога, вызванная открытиями иностранного путешественника в области этнографии, была так сильна, что Емануель нашел необходимым гласно вывести их из этого заблуждения и запретить де Бессе впредь вести разговоры о таких щекотливых предметах.

В настоящее время восхождение на Кавказские горы не только с научной целью, но даже для прогулки, полной приключений, происходит часто и производится не только русскими путешественниками, но и разными иностранными учеными, посещающими Кавказ во время летнего перерыва их кабинетных занятий. Но во времена Емануеля, когда прогулки вне стен укреплений происходили только на местности, огражденной казачьими пикетами, подобное восхождение на Эльбрус могло быть совершено только в виде военной экспедиции. К началу июля в Константиногорске был собран отряд из шестисот человек пехоты, четырех сотен казаков и двух орудий под начальством подполковника Ушакова, занимавшего в то время должность нальчикского коменданта. Из караногайских степей пригнали верблюдов для поднятия тяжестей, и небольшой отряд, сопровождавший ученую экспедицию, выступил 9 июля утром по пути к Бургустану. В свите Емануеля недоставало только одного де Бессе, который приехал спустя несколько дней, когда войска стояли на урочище Хассаут. Казак доложил генералу, что прибыл какой-то иностранец, должно быть, немец, который называет себя «Бессе». Емануель имел уже предварительные сведения о нем из письма эрц-герцога Иосифа и принял знаменитого путешественника с распростертыми объятиями.

Лагерь, раскинутый в верховьях реки Хассаут, не имел сам по себе ничего привлекательного. Напротив, своими прозаическими деталями мало гармонировал с девственной красотой ландшафта. Для генерала и его свиты, к которой причислялись и все академики, были разбиты палатки; солдаты укрывались от солнечного зноя в шалашах, построенных из хвороста и древесных ветвей, а казаки разбрелись по ущельям между окрестными холмами, где на роскошных пастбищах их лошади утопали в траве по самую шею. Хассаут был первой станицей на пути к Эльбрусу, и с нее начались исследования ученых...

---

¹⁹ По тогдашнему измерению высота Эльбруса определялась в 16 330 футов, а по позднейшим исследованиям высшая его точка – 18 470 футов.

Отряд мы оставили в долине Хассаута, откуда 16 июля караван двинулся дальше и после трудного трехчасового перехода поднялся на высоту 7 тысяч футов над уровнем моря. Это была вторая степень исполинской лестницы, ведущей на Эльбрус с востока. Она состояла из обширного плато, известного под названием Зидах-тау, и была ограждена такими теснинами, что небольшая горстка людей, вооруженных винтовками, могла бы здесь остановить напор целой армии. На Зидах-тау так же, как и у Хассаута, войска нашли все необходимое для бивуака: обильные пастбища, прекрасную воду и хворост для шалашей и костров. Но здесь же им пришлось испытать на себе и влияние некоторых климатических условий этого негостеприимного пояса. Из-за гребня ближайших высот вдруг вынырнула огромная черная туча, мгновенно омрачившая небо, и над лагерем пронесся ураган с проливным дождем и градом. Удары грома, сопровождавшиеся глухими раскатами в горах, придавали нечто грозное общей картине, внушая путешественнику, что он приближается к священной горе, недоступной назойливой пытливости человека.

За первой тучей стали появляться другие, и только к вечеру все они потянулись на восток освежать раскаленные степи Каспийского побережья. На другой день утро было чудесное. По краям голубого неба виднелись серебристые пики снеговых гор, и между ними кое-где еще плавали остатки облаков – последние следы пронесшейся бури. Солнце грело, но не жгло и не сушило, как на плоскости. Трава, отчасти вытоптанная лошадьми и верблюдами, распространяла здоровое весеннее благоухание. Людям, принимавшим участие в экспедиции, пришлось в этом году второй раз встретить весну, хотя июль перевалил уже за половину, и внизу стояло сухое, знойное лето. Около семи часов утра отряд стал подниматься выше, на следующее плато, известное у туземцев под названием Карбиза. Дорога, огибая пропасти и выступы скал, делала переход тяжелым и утомительным, а между тем Эльбрус, точно угадывая намерение копошившихся под ним пигмеев, окутал свою корону густыми облаками и выслал навстречу экспедиции новую вереницу туч, опять разразившихся ураганом с громом и молнией.

Всю ночь бушевала буря и только к утру, точно утомленная напрасной борьбой с человеком, притихла. Войска поспешили оставить это негостеприимное плато и поднялись еще выше, на новую ступень, где им опять пришлось увидеть весну, но в раннем ее периоде. Своеобразная альпийская флора предстала во всей красе своей первой юности: небольшой лесок, венчавший террасу, едва распустил свою листву, а выбивавшаяся из-под снега трава была густа и нежным цветом напоминала цвет зеленого бархата. Утро опять было чудесное. Опасаясь, однако, новых метеорологических сюрпризов, солдаты деятельно занялись устройством своих шалашей и, навьюченные ворохами свежих древесных ветвей, сновали взад и вперед по лагерю, точно муравьи перед ненастьем. Другого рода деятельность шла внутри палаток, поставленных несколько в стороне от военного бивуака: это были люди, посвятившие себя науке и открывавшие перед ней новые горизонты. Из них двое трудились над своими коллекциями: один, ботаник Мейер, бережно укладывал между тонкими листьями своего гербария собранные по дорогам образчики растений, никогда прежде ему не встречавшихся; другой, страстный, неутомимый француз, зоолог, Менетрие, вооруженный булавками, прикреплял к картону всех возможных сортов и величин букашек, бабочек, пауков, кузнечиков и других представителей энтомологического мира. Ленц приводил в порядок принадлежности своего походного физического кабинета. Купфер, самый симпатичный из четырех членов ученой экспедиции, мягкий, приветливый, с манерами настоящего джентльмена, не выпускал из рук пера: добровольно приняв на себя обязанности секретаря экспедиции, готовил для академии мемуары, куда заносил каждый факт, каждое новое открытие науки. Горный инженер, вооруженный геологическим молотком, с утра отправился бродить по окрестным горам и возвратился ближе к вечеру с известием, что им открыты еще в четырех местах богатые залежи каменного угля и что вообще каменноугольный бассейн Хассаута и Малки не уступит в богатстве бассейну верхнего течения Кубани и ее четырех притоков: Мары, Хумары, Кента и Аракента. Что

же касается ученого венгра, то ему только оставалось использовать неистощимый запас своих этнографических познаний.

Предусмотрительность нижних чинов, употребивших здесь два часа на устройство своих шалашей, оказалась очень кстати. К вечеру полил дождь. Целую ночь лил он в ущельях, напоминая шум горных каскадов. Но к утру небо очистилось. Солдаты поспешили развести большие костры, чтобы обсушиться перед выступлением, которое было назначено ровно в восемь часов; но в половине восьмого новые тучи скопились над террасой, и полил дождь, хлынувший на бивуак, мгновенно загасив костры, и выступление было отложено. Движение в горах в такую погоду невозможно. Емануэль решился переждать, но погода на этот раз выказала постоянство, на которое трудно было рассчитывать в этой страшно пересеченной местности. Дождь не прекращался в течение трех дней, и только в ночь на двадцатое число показались, наконец, звезды. Заря светлая, безоблачная предвещала ведро, и с восходом солнца барабаны ударили давно желанный генерал-марш. Жители предупреждали Емануэля, что предстоящий переход будет самым трудным, потому что дорога едва доступна для всадников и совершенно недоступна для артиллерии и обоза. Кроме того, с той стороны, с которой предпринято восхождение, Эльбрус окружает природный вал, который достигает 9 тысяч футов над уровнем моря. Отряд двигался медленно. Едва успел подняться саженей на семьдесят от лагерного расположения, как был окружен густым туманом, налетевшим внезапно, как бы для того, чтобы заставить одуматься и отказаться от безрассудного предприятия. Более двух часов простояла экспедиция на месте, в ожидании, пока туман рассеется. Туземцы не преувеличивали опасности последнего перехода.

Тропинка, по которой взбирались к верхнему уступу, чрезвычайно скользкая, шириной не более аршина, ползла мимо страшной пропасти с одной стороны и отвесными скалами – с другой.

Люди были вооружены длинными посохами с железными наконечниками и, несмотря на эту предосторожность, ступали шаг за шагом. Странствование по таким местам, помимо военных целей, может быть оправдано только любовью к науке, которая требует от своих жрецов такого же самопожертвования, как война от солдата. Караван растянулся версты на полторы. Шествие открывал старшина племени урусипев Мурза-Кул, бодрый и свежий старик, полюбившийся всем своей веселостью и неистощимым юмором. За Мурза-Кулом шел генерал со свитой, а за ним, вытянувшись в нитку, поднимался отряд, останавливаясь через каждые десять-пятнадцать шагов, чтобы перевести дух. При таких условиях путешественникам было не до разговоров, никто не проронил ни слова, и только изредка, когда измученный де Бессе отставал от генерала, Мурза-Кул кричал ему с дружеской усмешкой: «Найда, земляк, гайда: маджары никогда не оставались сзади!»

С трудом, но без приключений добрались, наконец, до гребня обводного вала. Спуск с него был так же крут, как и подъем, но представлял еще большую опасность, так как спускаться приходилось по скользким и обледенелым камням. У подошвы спуска скалы сходятся так быстро, что образуют узкий коридор, едва доступный для движения одного пешехода. Природа точно намеревалась загородить доступ к Эльбрусу, но потом раздумала и оставила проход, известный у местных жителей под названием железных ворот. За этими воротами местность образует новое плато – последнюю ступень лестницы, ведущей к заповедной грани. Теперь уже не оставалось никаких преград, которые заслоняли бы от взора грандиозную фигуру Эльбруса. Теперь он весь был налицо – от вершины до основания, во всем величии своей необычайной красоты, для описания которой человеческий язык не имеет подходящих выражений.

Террасу, или плато, со всех сторон обступали высокие остроконечные утесы, на отвесных боках которых снег никогда не задерживался, и потому они сохраняли свой черный цвет, представлявший мрачный контраст с окружающими их снежными пустынями. Из-за угрюмых пиков этих утесов виднелись купола и пирамиды покрытых вечным снегом гор в 11 и 12 тысяч футов каждая. И эти исполинские горы казались пигмеями перед колоссальной фигурой

самого Эльбруса. Никому из участников экспедиции не приходилось прежде стоять посреди таких подавляющих своим величием декораций – все были поражены до такой степени, что не обменивались впечатлениями: молчали или говорили вполголоса, точно в самом деле стояли у входа в святая святых. Под впечатлением этой картины де Бессе в своих мемуарах обращается к атеистам, приглашая их взглянуть на Эльбрус с того места, на котором он стоял перед ним в немом созерцании, и, положив руку на сердце, сказать – достанет ли у кого-нибудь из них смелости отвергнуть Художника, написавшего такую дивную картину, воздвигшего такой храм, у преддверия которого никаким земным помыслам не остается места в душе человека, ничему, кроме молитвы и смирения.

На этой террасе отряд расположился лагерем. Теперь Емануэль уже не сомневался в возможности достичь кульминационной точки Кавказа, и восхождение на Эльбрус было назначено на другой день, 21 июля. Между тем маленький отряд, сопровождавший экспедицию, принялся устраивать для себя помещения, насколько позволяли имевшиеся под рукой средства, а на этот раз не было ничего, кроме снега да скудного подножного корма. Но кавказский солдат умел находить необходимое даже там, где, по-видимому, не росло ни одной былинки. Рассыпавшись по окрестным ущельям, солдаты набрали на какой-то лесок и стали возвращаться в лагерь по одному и по два с охотками хвороста до того огромными, что за ними, кроме движущихся ног, ничего нельзя было видеть. Об усталости совсем забыли и вспоминали об отдыхе только тогда, когда последние лучи догоравшего дня потухли на серебристых шатрах Эльбруса и на лагерь опустилась холодная звездная ночь. Громадные костры запылали между шатрами, и Эльбрус, может быть, в первый раз, увидел на своих равнинах огни, кроме тех, которые каждое утро и каждый вечер зажигались на куполах окружающих его высоких гор.

На следующий день еще не начинала занимать заря, а все были уже на ногах. И людям, просвещенным наукой, и темным простолюдинам одинаково хотелось хоть раз в жизни насладиться видом Эльбруса при первых лучах восходящего солнца. И вот звезды стали гаснуть одна за другой. На востоке протянулась белая полоса рассвета, и снеговые горы, окутанные синеватой мглой, стали окрашиваться в такой нежно-розовый цвет, что издали казались прозрачными. И вдруг ледяная корона Эльбруса зажглась мириадами ослепительных искр, и он предстал во всем блеске утреннего наряда, одетый в серебро, как златотканую глазетовую ризу. То же явление повторилось и на соседних покрытых снегом вершинах. Даже черные острокопечные утесы на несколько мгновений утратили свой угрюмый вид и казались отлитыми из флорентийской бронзы. Картина была достойна великого Художника, Зиждителя этой дивной природы. И взоры людей невольно обратились вверх, к беспредельной глубокой синеве эфира, куда с земли не достигает ничто, кроме молитвы...

В восемь часов утра 22 июля Емануэль вышел из лагеря с небольшим конвоем и, поднявшись на крутой высокий холм, долго и внимательно осматривал в подзорную трубу восточный склон Эльбруса. Осмотр убедил его, что впереди препятствий не было, что все, что могло остановить или задержать его предприятие, было пройдено ранее. Оставался один корпус горы, но он поднимался на 9 тысяч футов, почти вертикально над террасой, где стоял отряд, – и страшная высота, на которую приходилось взбираться, невольно путала самое смелое воображение. Все народные мифы о недоступности этой горы оправдывались величественным и в то же время грозным ее видом. Эльбрус – громадная снеговая пустыня, выброшенная из недр земли одним из тех мировых переворотов, которыми создавались материки и океаны. Это целая страна, перенесенная в заоблачные пространства, унылая, необитаемая, суровая. На полюсах есть жизнь, на Эльбрусе ее нет. Название мертвой горы к нему еще более пришло, нежели к Асфальтовому озеру название Мертвого. В одиннадцать часов утра генерал вернулся в лагерь и тотчас же приступил к снаряжению небольшого каравана, который должен был сопровождать ученых-натуралистов на Эльбрус. Вызваны были охотники. Вышли двадцать казаков и один кабардинец по имени Килар. К академикам присоединился еще итальян-

ский архитектор Бернардацци, но зато венгерский ученый предпочел оставаться внизу, в роли простого наблюдателя.

Запасшись на два дня провизией, караван выступил из лагеря, напутствуемый пожеланиями генерала и всех присутствующих. Прямо с террасы пришлось подниматься на так называемые черные горы среди крутых и скалистых утесов, на которых не было ни малейших признаков тропинки; каждый ступал туда, где казалось более удобным и безопасным, чтобы не сорваться в бездну. Не только академики, но даже казаки и проводник Килар не решились доверить свою жизнь животным, и потому все спешили и вели лошадей в поводу. К вечеру черные горы были пройдены, и на площадке одной из них, под навесом выступившей громадной скалы, экспедиция заночевала. С этого момента генерал, наблюдавший за ней все время в телескоп, потерял ее из виду.

Только на другой день, в самый полдень, де Бессе первым заметил в телескоп на сверкающих снеговых покровах Эльбруса четырех человек, которые пытались достичь самой вершины горы. Трое из них скоро исчезли из виду, но четвертый поднимался все выше, выше – и вдруг фигура его рельефно обрисовалась над самой короной Эльбруса. То был, как оказалось впоследствии, кабардинец Килар, уроженец Нальчика. Его появление на вершине горы войска приветствовали тремя ружейными залпами. Пальба продолжалась столько раз, сколько высот окружало священную гору. Едва ли какое-либо другое торжество сопровождалось таким величественным и грозным салютом.

К великому смущению местных жителей, никакого старика с длинной белой бородой, прикованного к скале, не оказалось. Джинн-падишах, окруженный несметными полчищами своих подвластных духов, также не сделал никакой попытки к сопротивлению. Люди, пришедшие с полночных стран, где царствует вечная зима, исполины по духу, покорили его заоблачное царство и сняли с узника оковы. Если бы де Бессе менее увлекался генеалогией своего народа, мог бы написать в своем дневнике: «Мы ходили освободить Прометея, и Зевс не только не прогневался на нас, но, напротив, послал нам чудное синее небо, теплый ласкающий воздух и девственной белизны мягкий пушистый ковер под ноги».

Килар никого и ничего не видел на Эльбрусе, но на память о своем восхождении принес оттуда черный с зеленоватыми прожилками камень, оказавшийся базальтом. Генерал приказал разбить его на две равные части, из которых одну отослал в Петербург, другую вручил де Бессе для хранения в национальном музее Пешта.

Ученая экспедиция спустилась в лагерь в тот же день, но вследствие чрезмерной усталости не могла представиться генералу. Попытка взойти на Эльбрус ни для кого не прошла безнаказанно: глаза всех страшно распухли, а на лицах появились темные багровые пятна. Вершины горы никто из академиков достичь не смог, все ученые наблюдения производились с небольшого обледенелого выступа, откуда окрестная страна представлялась обширной, рельефной картой. Академики сделали все, что могли, и большего требовать было нельзя от людей, не имевших ни навыка, ни опыта, ни выносливой природы горца. Выше всех поднялся молодой Ленц, но и он остановился на высоте 15 тысяч футов. Купфер и Менетрие не прошли далее четырнадцати тысяч, а Мейер отстал от всех, хотя и ему удалось переступить границу вечного снега.

Утром 22 июля, в то время как натуралисты, опираясь на свои длинные шесты, взбирались по обледенелым крутизнам Эльбруса, Емануэль со своей стороны предпринял также небольшую экскурсию. Он не мог оставаться праздным, когда другие, может быть, с опасностью для жизни предавались своим бескорыстным исследованиям в интересах науки. Если лета и высокое положение, занимаемое им в служебной иерархии, не позволили ему принять непосредственное участие в трудах академиков, то он пожелал по крайней мере ближе ознакомиться со всеми окрестностями Эльбруса и видеть все его достопримечательности. Уже давно он обратил внимание на глухой, однообразный шум, нарушавший торжественное молчание

ночи, напоминавший грохот экипажей, снующих взад и вперед по бойким улицам большого города. «Что это такое?» – спросил он одного горца. «Это Малка шумит», – ответил тот. В ту сторону генерал и направил свою экскурсию в сопровождении де Бессе, нескольких офицеров и конвойных казаков. Чем ближе подъезжали путешественники, тем явственнее доносился до них сердитый шум Малки, и в этом шуме терялся звук человеческого голоса, а в нескольких саженьях нельзя было расслышать даже ружейного выстрела. Дорога к реке обрывалась на краю страной пропасти, по другую сторону которой с высоты 7800 футов падала вода, образуя громадный движущийся занавес. Это был настоящий водопад, напоминавший де Бессе знаменитый Шафгаузен на Рейне, но далеко превосходивший его дикой красотой пейзажа. Жители станиц, расположенных у нижнего течения Малки, где она так мирно катит свои желтоватые волны, конечно, не подозревают, с какой страшной высоты она низвергается и каким грозным величием обставлена ее колыбель.

Двадцать третьего июля, на другой день по возвращении экспедиции с вершины горы, у Емануеля был парадный обед, на котором присутствовали представители Кабарды, Карачая, Урусипия и других закубанских народов. За обедом пили шампанское, замороженное в снегах Эльбруса, – и первый тост был провозглашен за здоровье венценосного покровителя наук – императора Николая Павловича. Этот тост, за неимением музыки, сопровождался ружейными залпами, которым бесконечными перекатами вторило горное эхо; потом пили за инициатора экспедиции – генерала Емануеля, за ученых, за кабардинца Килара, за фактическое присоединение Эльбруса к владениям Российской империи. Пили все, не исключая мусульман, которые оправдывали себя исключительным случаем. После обеда Килару был вручен с особенной торжественностью заслуженный приз, а затем состоялась церемония раздачи подарков всем почетным горцам, принимавшим участие в экспедиции...

Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5. С. 368–371, 377–385.

Дуглас Фрешфильд. Исследования Кавказа

Дуглас Фрешфильд (1845–1934) – знаменитый английский альпинист, прославившийся своими многочисленными восхождениями.

...Члены созданного в 1857 году Английского альпийского клуба, заявившие своей целью «содействовать установлению дружбы между альпинистами, развитию горных восхождений и исследований во всем мире и лучшему познанию гор через литературу, науку и искусство», спустя десять лет покорили практически все пики в Альпах. Тогда они обратились, так сказать, к «чужим» вершинам, направив свой взор на совершенно не исследованный к тому времени Кавказ. Летом 1868 года сюда отправилась экспедиция, в состав которой входили Дуглас Фрешфильд, Каминс Таккер и Адольфус Мур. Они взошли на Казбек и Эльбрус, побывали в Осетии, Сванетии, Балкарии. Впечатления от той экспедиции и легли в основу книги «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус» (Лондон: Издательство «Лонгман, Грин и К^о», 1869), перевод которой для нашего издательства осуществил Игорь Гориславский.

Д. У. Фрешфильд прожил долгую и насыщенную жизнь, побывал в десятках стран, исследовал множество горных массивов, в том числе Гималаи, организовывал экспедицию на Эверест, и даже будучи шестидесятилетним, множил число покоренных вершин.

Глава XI. Из Пари в Пятигорск и восхождение на Эльбрус

Медведь, содержащийся в неволе. – Мур обращается к носильщикам. – Лагерь в лесу. – Докучение мошкаррой. – Приют в горах. – Поднимающийся скот. – Через хребет в метель. – Жаркие споры. – Бревенчатая хижина. – Долина Баксана. – Урусские. – Кунакская. – Вознаграждение челяди. – Минги-Тау. – День безделья. – Просвещенный бий. – Перевалы в Карачай. – Татарские горцы. – Ночь с пастухами. – Крутой подъем. – Лагерь на скалах. – Знатное золото. – На снежных настах. – В трещине. – Сдержанное отчаяние. – Кризис. – Упорство вознаграждается. – Вершина. – Панорама. – Возвращение. – Восторженный прием. – Нижний Баксан. – Долгая поездка верхом. – Черкесское селение. – Травянистые равнины. – Зольский пост. – Пятигорск

Июль, 24-е. Не так уж это легко на Кавказе, как в Швейцарии, приступить к делам поутру в час, назначенный накануне. Нашей новой толпе носильщиков пришлось выйти из жилищ и собраться вместе. Прежде чем организация грузов могла осуществиться, каждый предмет багажа подняли, чтобы проверить вес. Более половины взгромоздили на спине до смешного маленького ослика – кроткого на вид экземпляра своей породы – с длинными ушами, которыми он капризно хлопал и поводил то назад, то вперед. Животное должно было сопровождать нас несколько часов, чтобы избавить наших носильщиков от части ноши.

Расставаясь, мы подарили казачьему атаману английский нож, которым он был польщен, и, как следствие, нам пришлось подчиниться неоднократным объятиям и поцелуям, столь пространенным за границей и особенно в России, но неодобряемым сдержанными и черствыми англосаксами. Попрощавшись с добрым казаком, мы направились по тропе, которая связала Пари с несколькими селениями на западной окраине Сванетии над рекой Ингури. Это селение, как и сама их столица, построено на террасах высоко над рекой, и они отделены друг от друга глубокими и широкими ложбинами. Детальное описание нашей утренней ходьбы было бы почти таким же утомительным, как и сама действительность; пейзажи мало-помалу менялись, а время в основном уходило на подъемы и спуски по крутым зигзагам. Наши обходы, которые мы были обязаны преодолеть, оказались столь велики, а наши носильщики столь ленивы, что полуденный привал пора было сделать прежде, чем мы дошли бы до последнего селения, построенного на южном склоне отрога, выдававшегося над восточной стороной на входе в долину Накры. Мы сели в тени большого дерева над домами, жители которых вскоре столпились вокруг нас. С ними пришел медвежонок, ведомый ватагой чад, которые нещадно колоутили и таскали волоком бедное животное. Короткий и легкий подъем к роскошным лугам привел нас к вершине отрога, откуда открывается прекрасный вид. На значительной глубине под нами простиралась долина Накры: тыльная сторона ее была покрыта заснеженными хребтами и одета прекраснейшими сосновыми лесами, прежде нами не виденными. Отдельные деревья были великолепными и, стоя порознь, возвышались над листовыми деревьями, выделяясь темно-зелеными шишками. Вид сильно напоминал фотографии, представляющие Гималаи, и был весьма впечатляющим. Повернувшись на юг, мы оказались перед глубокой трещиной в холмах, которая образует ворота Сванетии и дает начало реке и дороге в Зугдиди, маленькому абхазскому городку на полпути между Кутаиси и Сухум-Кале.

Наши носильщики из Пари так настойчиво выказывали свое желание идти тем же маршрутом, что и люди из Давкара, что это вынудило нас потерять минут десять впустую, затем сесть и минут пятнадцать обговаривать это. Их предложению мы противопоставили то, что сумма, установленная как оплата недостаточная, обсуждению не подлежит. Сидя в ряд, мы призвали их к себе и передали им через Павла, что мы хотели знать раз и навсегда, согласны

ли они выполнять договор, заключенный с нами. Если они неудовлетворенны и хотят уйти, то мы желаем вернуться в Пари, но, в таком случае, мы ничего им не заплатим.

Носильщики, все до одного, объявили, что хотят идти дальше, и были полностью удовлетворены условиями. Получив вдохновенной речью Мура наставления об общих обязанностях человека в горном походе и выгодах, которые они извлекут из достойного поведения, толпа продолжила движение. Кое-где тропа, хоть и местами разрушенная, окаймляла склон холма и была различима. В конце концов, мы вышли сквозь густой сосняк и березняк по крутому спуску ко дну долины. Под густой сенью таких деревьев подлесок бывает редко, лишь стелется ковер мягких мхов, как на альпийских прогалинах.

Добравшись до берегов реки, мы повернули в верховье долины по разбитой тропе: из-за рухнувшего дерева, ставшего случайным препятствием, она была пригодна только для лошадей. Мы шли по густому лесу и полянам, где роскошный травяной покров вызывал воспоминание о нашем сборе водорослей из Зенес-Сквали. Один из носильщиков принес нам небольшую ветку, объяснив, что это чай, и мы узнали чайное растение. Нам уже сообщили в Пари о его существовании в окрестностях. Казаки говорили нам, что некоторые из их предшественников собирали листья из практических побуждений, и требовалось достаточное искусство, чтобы сделать из них весьма приличный напиток. Временами нам открывались виды пенившегося потока Накры. Река ускорялась в падении через гранитные валуны, которые несла с собой со Станового хребта, и разбивалась в белопенные струи. Над головой ярко-синее небо, солнечные лучи очень сильны. Нам нужен был фотоаппарат, чтобы запечатлеть их и зафиксировать картины леса и воды, которые постоянно встречались взору.

В начале дня носильщики удивили нас: они расселись на берегу реки в том месте, где вода гудела так громко, что было трудно говорить, и предложили нам остаться здесь на ночь. Мы отказались от такого предложения и избежали его возобновлением похода тем шагом, при котором люди не могут и не желают отставать. Около пяти пополудни мы нашли подходящее место для лагеря в отдалении, у чистых источников среди густых трав и роскошных в своем цветении растений. Вскоре здесь была установлена палатка, и Павел разжег поленья для приготовления пищи. После сытного обеда мы льстили себя надеждой на спокойную ночь, но к вечерней заре началось гнусное жужжание мошкары, и на нас напали злобные насекомые, словно рой черных мух, не более головки булавки, но с острым жалом. Проводники из Пари сказали Павлу, что люди из последнего селения, где мы делали привал, намеревались последовать за нами, чтобы ночью украсть наше имущество, и что нам было бы лучше разделить багаж между ними и уберечь его. Не сомневаясь в том, что попытка грабежа могла произойти при молчаливом согласии наших сопровождающих, мы велели всю кладь сложить у открытых пол палатки и сказали им, что наши пятнадцать бочонков должны быть зажжены без промедления, если мы услышим, что кто-нибудь засуетится вблизи. Однако никакие грабители не появились, но и не вся ночь прошла без тревог. Тишину леса нарушил сильный треск, словно ружейный залп, который, как мы обнаружили утром, был вызван падением огромного дерева в пятнадцати ярдах от нашего лагеря.

Июль, 25-е. Наш отдых был нарушен прежде, чем утренняя зарница осветила сосны на противоположном склоне. Мы поднялись и удрученно в мелких подробностях обменивались впечатлениями от ночных страданий. Глаза Франсуа почти заплыли от укусов мошкары, и вся компания была более или менее обезображена. Как только носильщики закончили упаковку клади и мы уговорили их поднять груз на плечи, отправились дальше. Покидая Пари, мы понимали, что пройдем перевал на второй день, но наши проводники объявили нам, что до наступления ночи невозможно добраться до южного подножия последнего подъема. Пройдя через пояс соснового леса, мы вошли в район более скудной растительности и менее пышной вегетации. Вначале мы увидели скалистый гребень, который прикрывал собою верхнюю часть долины. Склоны холмов не были крутыми и с поваленными деревьями, снесенными лави-

нами с ложбин верховий гор, простирались до реки. Многочисленные чистые фонтаны выбивались из-под земли. Запруженные камнями, они образовывали кристально-чистые заводи, берега которых украшали гроздь долинных лилий. Два маленьких водопада на другой стороне долины рассыпались брызгами на скалах; им не хватало воды, чтобы считаться первоклассными. Березы росли в лощине у подножия скал и все утро закрывали нам вид на эти каскады.

Теперь мы увидели, что пятиверстная карта полностью неверна в той ее части, где представлена горная цепь. Военные, занимаясь топографией, очевидно, ограничивались съемкой долины Накры на глаз, и, как следствие, обманувшись внешним видом, они представили ее верховье бассейном в виде симметричной подковы. В действительности, истоки реки находятся в горной впадине, невидимой снизу и не отмеченной на карте. Подступы к ней проходят по крутому спуску на левом берегу реки, в которую впадает солидных размеров приток; на противоположной стороне он изливался по скалам из ледника, видимого только частично. Наши носильщики утверждали, что в этой стороне есть перевал, ведущий к селениям у истоков Кубани, в районе Карачая. Был всего лишь полдень, а наши ленивые носильщики затребовали привал, ссылаясь на то, что невозможно пройти перевал до вечера и что если они пройдут дальше, то замерзнут ночью. Трудными уговорами мы добились того, что они пройдут с нами еще два с половиной часа. Резкий подъем со следами тропы к перевалу на этой стороне привел нас в верховья долины, где уже не было травостоя, лишь снег и камни от весенних лавин. Эта котловина простиралась на две мили на восток, где разделялась на две долины, разбегающиеся врозь – на север и на юг; последняя – наиболее значительная. Перейдя поток по снежному мосту, мы пришли к травянистому склону, побитому разбросанными валунами, как раз на том месте, где обе долины сходятся. Трудно было найти местечко, покрытое дерном, и нам пришлось заставить наших носильщиков покинуть их замечательный бивуак, где они устроились под огромным валуном на голой земле. Когда палатка была установлена, места вполне хватало для всех.

Вид из нашего «gîte»²⁰, полностью окруженного снежными горами, был грандиозным. Далеко внизу под нами виднелась нижняя часть долины Накры: с ее западной стороны хребет венчал покрытый льдом пик, отмеченный на карте как гора Тау Боркушель²¹. Речка, которую мы недавно перешли, пробегала короткий путь от своей колыбели – ледника, текущего вокруг основания большой горы, ее вертикальные скалы нависали над ледовым карнизом огромной толщины. Верховье долины с севера также прикрывал ледник; дорога туда, по крайней мере, не вела, а создавала брешь между двумя скальными возвышенностями в горной цепи на востоке. Полуденное солнце ярко освещало скалу, под которой была разбита наша палатка, и хорошо ее прогревала. Я опрометчиво нашел прохладу в тенистом укромном уголке среди скал и, хоть ненадолго, но подхватил простуду из-за недавнего легкого недомогания, и некоторое время мне нездоровилось. Закутавшись в плед настолько тепло, насколько это было возможно, я с перерывами принимал небольшие дозы хлородина – лекарства, которое помогало нам во время путешествия.

Вечером мы увидели четырех людей, вооруженных ружьями и саблями. Они гнали одиннадцать коров, спускаясь со стороны перевала быстрым шагом. Павел спросил наших сопровождающих, откуда они. Ему сказали, что это местные жители из Лащраша. Согласно сложившимся обстоятельствам, они занимаются перегоном скота через перевал и сейчас возвращаются со своей незаконно захваченной добычей, которую они украли в одном из стад, принадлежащих татарам Верхнего Баксана. Наши носильщики, естественно, встревожились тем, что их встретят на северной стороне как воров, и нам стоило больших усилий уговорить их идти дальше. Тем не менее мы преуспели в том, что убедили всех, кроме одного седовласого

---

²⁰ Вероятно, автор имеет в виду гору, носящую название «Гнездовия диких уток».

²¹ Место постоянных ночевоч под скалой (*фр.*).

мошенника; их нахождение с нами могло быть окончательным доказательством их невиновности. Озадаченный, он, несомненно, знал, что не сможет выдержать проверку, и, вероятно, осознавая свой проступок, просил разрешить ему вернуться, добавив, что два его сына, бывших также с нами, разделят его груз между собой. У нас не было возражений против таких перемещений в этой семье. Закатные краски были яркими, но слишком насыщенными, чтобы обещать продолжение чудной погоды последних двух дней.

Июль, 26-е. Ночью погода изменилась. С юга поползли тучи, а утро обещало, пожалуй, быть, скорее, хуже, а не лучше.

Боль и постоянная тошнота отгоняли сон. Я чувствовал, что мне лучше побыть в постели, а не переходить перевал, но оставаться на том месте, где мы были, не представлялось возможным. Идея возвращения в Пари – долгий путь пешком назад – была неоправданна, чему предлагалась единственно приемлемая альтернатива – выйти на водораздел до ухудшения погоды. И все же мы отправились, хотя я вначале едва волочил ноги, даже при помощи Таккера и Франсуа.

Мои силы постепенно возвращались, и каждый шаг к вершине перевала вдохновлял к дальнейшему прогрессу. Верховья долины над нашим бивуаком покрылись снегом. Земля еще не сковывалась льдом по ночам, и ее рыхлость значительно добавляла хлопот. В течение часа мы дошли до места, где долина заканчивалась. Путешественник, жаждущий перейти горную цепь, должен взбираться по крутому травянистому берегу справа. Так он дойдет до кромки снежного поля, которое заполняло разрыв в скалистом гребне на южной стороне перевала. Брешь на гребне перед нами была отмечена двумя истуканами, а далее нас вели глубокие следы животных, прошедших здесь вчера. Облака покинули нас. Ветер зловеще взывал. Как только мы дотащились до вершины, повалил тяжелый снег. Изменение погоды стало огромным расстройством, ибо мы очень хотели, с тех пор как ушли из Пари, полюбоваться Эльбрусом во время спуска, а теперь все наши надежды увидеть его не сбывались.

Когда мы дошли до перевала, нам ничего не оставалось, как только сидеть спинами к выюге и жевать крошки хлеба перед спуском. Какие-то растения цвели на камнях на высоте более 10 500 футов. Небольшой ледник, местами достаточно крутой, чтобы можно было скользить по нему, с северной стороны имел такой толстый слой снега, что на нем виднелось лишь несколько трещин. Мокрый снег перешел в ливень, который преследовал нас весь остаток дня. Поток, изливавшийся из ледника, вскоре потерялся из виду под другим и весьма необычным ледовым потоком, который казался полностью заваленным лавинами со скал большой горы. Сейчас эта гора частично скрылась за облаками. Позднее нам стало известно ее название – Тунгзорун²². Как и Ушба, не отмеченная на пятиверстной карте, она, вероятно, вторая по высоте среди гор Станового хребта западнее Коштангау.

Долина с этой стороны перевала спускалась прямо на север, и тропа, вначале отмеченная древними истуканами, вскоре стала весьма различимой. Мы шли вдоль западных склонов выше ледника, который был завален деревьями и имел грязный вид. Его язык вился над крутым выступом к нижней кромке Баксана. Напротив, где должен был во весь рост появиться Эльбрус, ничего, кроме тумана, не было видно. В просветах выказывались только два языка ледников. В конце концов, быстрый спуск привел нас к берегам Баксана. Верховья долины – это котловина, на четверть заполненная туманом, сквозь который три реки вытекают из ледников Эльбруса и Донгузоруна – наиболее крупного ледового потока в истоках реки. Эти реки пробегают некоторое расстояние до слияния. Долина заросла хвойным лесом, в котором полностью преобладает сосна. Наши носильщики свернули на сотню ярдов, чтобы зайти в грубо отесанную хижину – хоть какое-то укрытие от дождя, где мы и поели.

---

²² Имеется в виду вершина Донгузоруна – «Лежбище вепря».

Мы не удивились тому, что носильщики отказались вновь взвалить поклажу на свои плечи и потребовали немедленную оплату. Они заявили, что выполнили договор перевести нас в Баксан и настойчиво не принимали во внимание оговоренные с ними условия: под Баксаном мы подразумевали основное селение в верховьях долины. Один из них теперь весьма разозлился и, нарочито потянувшись за кинжалом, выражал, таким образом, свое недовольство. Мур отстаивал нашу позицию в этой дипломатии. Его политика заключалась в том, чтобы не обращать внимания на этого человека и отказываться иметь дело с кем-либо, кроме тех двоих, с которыми заключали договор в Пари; они были намного лучше других и не очень-то расположены поддерживать негодование своих компаньонов. Гнев главного головореза из-за того, что на него не обращают внимания, выглядел нелепо.

Долгие и утомительные споры сменились недовольством, а привычные манеры вновь проявились в жестях. Дело заключалось в том, что они были не против подтвержденного нами обещания дать им еще по рублю по прибытии в Урусбиево²³, если никаких дальнейших вопросов не возникнет.

Все осложнялось тем, что задержки, с которыми пришлось считаться, были частыми и досадными. Это настоящее испытание для самообладания человека – сидеть на бревне под проливным дождем, промокшим до нитки и не в духе, в то время как твои спутники спешат с ясной целью, а проводники отказываются шевелиться, пока не вернутся их компаньоны. В конце концов, мы узнали, что носильщики искали своих знакомых пастухов, которые были в окрестностях со своими отарами.

Три последних дня они прожили на провизии, которую принесли с собой из дома. Их питание состояло из муки крупного помола. Они пекли ее на костре, на раскаленных камнях.

Естественно, что им нужна была сытная еда, и теперь они очень хотели распотрошить на ужин ягненка. Порой мы не могли понять их поведения: по каким-то причинам они нам не объясняли его, и понятно, что мы злились на эти частые привалы. После долгой ходьбы под проливным дождем, проникающим сквозь хвойный лес, мы дошли до бревенчатой хижины, хорошо сбитой и, к счастью, совершенно водонепроницаемой. Мы были весьма рады обнаружить место для отдыха, где мы могли снять мокрую одежду и согреться у гулкого огня. Обычно мы сворачивали наши рогожки и держали их внутри спальных мешков, чтобы сохранить сухими, благодаря чему теперь мы имели еще кое-что кроме земли, чтобы улечься. Пастухи обеспечили нас молоком и сыром. После попытки сварить аррорут²⁴, с не вполне удовлетворительным результатом, мы закутались в углу хижины и наслаждались вполне сносным ночным отдыхом.

Вечером у нас была забавная беседа с нашими спутниками. Мы обнаружили, что понятия *Англия* и *англичане* им ничего не говорят. Единственные нации, им известные, были: русские, турки и франги²⁵ (иностранцы). Мы были изрядно озадачены, когда вдруг они нас спросили, как мы себе представляем лучшее правительство? Мур уклонился от вопроса следующим ответом: правительство не может считаться хорошим, при управлении которого люди одной долины могут угонять скот, принадлежащий жителям другой. Ответ в интерпретации Павла, казалось, крайне удивил их, и они посчитали его соответствующим их представлениям.

Июль, 27-е. Утро было прекрасное, и мы отправились полные надежд. Наши спутники не сочли нужным идти прямой тропой вниз по долине и повели нас окольным путем.

Лес вдруг закончился, затем последовали зеленеющие луга, среди которых стояло несколько домиков, схожих с альпийскими шалé. Это были длинные, низкие, покосившиеся

---

²³ Современная транскрипция этой фамилии – *Урусбиевы* (Орусбийлары).

²⁴ Крахмал из подземных побегов или корневищ.

²⁵ В старых источниках чаще это слово записывалось через «к» – *франки*.

жилища, собранные из огромных неотесанных бревен хвойных деревьев и с плоской, поросшей травой крышей. Мы вошли в первый: он был необитаем.

Долина Баксана простирается на некоторое расстояние на северо-восток, поворачивает на север и затем вновь возвращается к прежнему направлению. На повороте она соединяется с двумя долинами: одна – направо простирается к главной цепи гор, другая, на милю ниже, – налево и ведет к подножию Эльбруса. Против первой, при входе в нее, был чрезвычайно удивительный вид группы снежных пиков, замечательных своими фантастическими формами и близким друг к другу расположением.

Пастуший дом, постоянная обитель верховий долины, расположен против ее входа. Здесь, за небольшой оградой с тыльной стороны хижины, картофель и другие овощи, казалось, неплохо росли. Мы держались левого берега Баксана и теперь перешли мощный поток, который вытекал из восточных ледовых полей Эльбруса, но ущелье, из которого он вытекает, недостаточно широкое, чтобы оттуда был вид на великую гору. Нам посчастливилось найти старика²⁶ в одном из жилищ, построенных у реки, и мы приобрели у него кувшин молока – редкая роскошь на Кавказе, где обычно молоко сквашивают и оно становится очень невкусным. Спуск отсюда до Урусбиева явно скучен: в основном, голая скалистая стена с правой стороны долины, которая превышает снеговую линию. Почти безлесные склоны имели выжженный аридный вид.

Огромная естественная преграда, примыкающая к северной горной цепи, очень схожая по форме с Кирхет над Мейрингеном, замыкает долину, на нее приходится взбираться по тропе. С бровки Урусбиево видится впервые.

Путешественника отделяет от этого аула длинная ровная местность. Дорога, доступная лишь узким коляскам, проходит через Баксан у подножия вала и тянется по непрерывному ряду лугов на правом берегу, затем вновь пересекает реку только перед въездом в селение Урусбиевых. С виду их дома полностью отличаются от сванских башен и менее красочны. Построенные на пологих склонах с плоскими крышами, они едва различимы на расстоянии. При приближении вы ничего привлекательного в них не найдете. Мощный поток, вытекающий из ущелья с северной холмистой стороны, разделяет селение на две части. На юге в Главном хребте открывается другая долина. Снежные вершины видны в ее верховье.

Вид долины Баксана замыкает ледовый массив Донгузоруна. Отсюда гора весьма схожа в своих очертаниях с Церматт Брайторн. Коричневые бесплодные склоны сразу же окружают селение: лишь дальняя перспектива избавляет Урусбиево от несомненных претензий, которые предъявили бы посетители, если бы не скрывающие все окрест облака.

Большое строение, сразу же за мостом, было жилищем таубиев²⁷ рода Урусбиевых, по фамилии которых называли это место. Толпа людей собралась у двери. На них были высокие папахи и длинные бурки. Одежда наших носильщиков казалась убогой в сравнении с их кинжалами с серебряной инкрустацией и красивыми газырями.

Естественно, что мы были обеспокоены тем, как раскроются характеры этих людей, отчего зависело, сможем ли мы сразу же взять приступом Эльбрус или же придется спуститься в Пятигорск, а гора станет целью другой экспедиции.

К счастью, наши надежды, возлагаемые на благие обещания, данные казакам в Пари жителями Баксана и Карачая, не были обречены на разочарование. Несколько селян вышли из толпы и сразу же повели нас в чистую на вид хижину, которая оказалась кунакской. Она состо-

---

²⁶ Вероятно, автор упоминает Али-Хаджи Непеева, который купил у Урусбиевых пастбище. Непеев заплатил Урусбиевым за это урочище 5000 кастрированных баранов, откуда и повелось называть это ущелье Ирик-Чат.

²⁷ **Таубий:** *тау* – гора, *бий* – владетель, т. е. князь (*балк.*). В 1852 году по Высочайшему повелению была послана на казенный счет депутация из таубиев в Петербург к государю императору Николаю Павловичу. Депутация эта, между прочим, просила государя о присвоении им старинного их звания – таубиев, что значит в переводе – князь гор, и относительно прав таубиев на земли. Депутаты были произведены в офицеры с назначением им пенсии от государства. Последствием просьбы депутации, между прочим, был Высочайший указ о присвоении высшему сословию балкарских горских обществ звания «таубий» (*Абаев М. К.* Балкария: Исторический очерк).

яла из двух комнат: в углу внутренней комнаты находился диван. Стены и крыша сооружены из массивных стволов хвойных деревьев, окрашенных в алый цвет, и вместе с безупречно чистым полом придавали уютный вид нашему приюту. Хозяева вскоре нанесли нам дружественный визит. Тем временем мы спешно устроились со спутниками из Пари, которые, казалось, ко всему относились с безразличием и хотели отправиться домой, как только представится возможность.

Как казначей вооруженных сил, я отсчитал необходимое количество денег, разделил их на равные части для каждого носильщика и при помощи Павла начал раздавать их. Когда в дальнем углу началась суета, вошли таубии. Ситуация оказалась неловкой, и Павел позволил одному из носильщиков сохранить две доли; разумеется, как только подошла очередь последнего, для него ничего не осталось. Я точно знал, что передал верную сумму денег, но все носильщики запротестовали, утверждая, что каждый получил только свою часть. Ситуация разрешилась неожиданно: один из жителей аула вышел вперед и, к нашему великому удивлению и удовольствию, указал на шумного головореза, получившего двойную оплату. Это был тот, что доставил нам много хлопот на дороге. Деньги тут же у него отобрали. Он делал вид, что сомневается: в его положении нельзя было отважиться на сопротивление. Тем не менее, он потешил себя демонстрацией негодования и сделал вид, что готов к обыску. Однако, понимая, что стал причиной общего смеха даже для его спутников, он быстро ретировался, и больше мы о нем не слышали. Мошенник получил по заслугам. Мы вознаградили заслуженно тех двоих, которые в верховьях долины при споре о дополнительном рубле держались отчужденно, и вся толпа после долгих рукопожатий удалилась.

Все наше внимание теперь было обращено к местным таубиям, перед которыми мы извинились за ту неприятную ситуацию, в которой они нас застали. Нашими хозяевами были три брата: высокие, хорошо выглядевшие, с открытыми и добрыми лицами и в полном кавказском наряде. Младший брат Хамзат некоторое время был на русской службе и говорил по-русски бегло. Беседа началась с выяснения нашей национальности. Мингрелы при упоминании англичан выказывали полное безразличие, а тут лицо Хамзата осветилось, и он воскликнул: «Англичане, карашо! Вильямс Паша, Карс, карашо!». Похоже было на то, что мы вновь возвращаемся в мир из какой-то местности, где все впали в сон лет на 500, и едва ли найдешь человека, знакомого с событиями Крымской войны.

Мы рассказали о нашем восхождении на Казбек и о нашем путешествии по стране (у обоих это вызвало большое удивление), а затем объяснили наше желание сделать такую попытку на Эльбрус. Таубии, допуская, что Казбек – гора более крутая, выразили явные сомнения по поводу восхождения на вершину Эльбруса, выдвигая веский довод, что еще никто этого не делал. Они обещали послать за селянами, которые сопровождали прошлую экспедицию русских путешественников, занимавшихся изучением этой горы. Они сказали, что доведут нас, по крайней мере, до мест, где уже прежде бывали.

Таубии не знали об Арарате. Они лишь знали легенду, по которой кавказская гора связана с Арменией. Согласно местному преданию, ковчег зацепился за вершину Эльбруса прежде, чем остановился на Арарате. Верная оценка схожести высот этих двух гор действительно могла быть использована как довод в правдивости этой истории. Если ко всему этому подойти с общим признанием, мы готовы с радостью отказаться от риска иметь честь первыми взойти на Эльбрус в пользу команды ковчега, или, как весело произнес Франсуа, «*La famille de Noah*»²⁸.

Нашим хозяевам название Эльбрус было знакомо, но его нужно было переводить, потому что местные жители знали только Минги Тау²⁹. Итак, наше знакомство счастливо осуществи-

---

²⁸ Семейство Ноя (фр.).

²⁹ Гора вечности (балк.).

лось, а наша дружба укрепилась вовремя внесенным подносом с чаем и хыбыртом³⁰, которые были размещены на низкой табуретке с тремя ножками, служившей столом.

Таубии просили нас обращаться к ним со всем, что нам необходимо, и предложили помощь как с провиантом, так и с обустройством. Не желая обременять их своими хлопотами, с одной стороны, и предпочитая стряпню Павла ломтям вареной баранины, что является основным блюдом кавказской кухни, мы только попросили, чтобы они помогли нашему слуге приобрести все необходимое для провианта. В этом случае мы могли бы оплатить большой запас провизии, хотя бы дня на четыре, отведенных на Эльбрус. Павел получил едва ли не все, включая картофель и сахар из запасов хозяев.

Для всех в этом селении мы оставались чужаками. После Казбека мы ничего не пили, кроме чая и воды. Исключением было какое-то мутное вино в Глола, поэтому мы радостно приветствовали селянина, который принес нам очень хорошее местное пиво. Вероятно, это и есть та жидкость, которую упоминает старина Клапрот, говоря о том, что пиво, сделанное карачаевцами и жителями Баксана, почти схоже с лондонским портером. В таком случае, или лондонские пивовары изменились к худшему, или местные производители полностью выродились.

Ночью мы были улажены непривычной роскошью подушек и простыней и впервые после Казбека могли заснуть без одежды. Любопытный факт, который мы были не в состоянии понять: в магометанских районах подушки всегда были в достатке, и они, кажется, совершенно неизвестны в христианской части страны. Причина неясна, но факт остается фактом: либо в христианских деревнях и на почтовых станциях путешественник должен таскать за собой собственный спальный мешок, или довольствоваться возлежанием на досках.

Июль, 28-е. Этот день мы отвели на еду и безделье, в котором мы полностью преуспели. Между плотной едой выставляли чай и хыбырт. Свободное время было в нашем распоряжении и проводилось на солнышке у двери хижины или в беседе с приезжим сванским князем из рода Дадешкелиани, состоящим в браке с их сестрой. Вероятно, он был одним из правителей местности Бечо. Это – боковая ветвь долины Ингури у подножия горы Ушба. Господин Радде упоминает их связи и частые браки с племенами на северной стороне Станового хребта. Во внешности и в манерах сван был настоящим аристократом. Казалось, что его присутствие стесняло остальных. Он был высокого роста, с правильными чертами лица, но оно, однако, не выдавало большого ума. Ему была присуща горделивость щеголя, которая делает честь человеку, привыкшему к цивилизованной жизни.

Местные таубии были более осведомлены, чем кто-либо другой, встречаемый в горах. Из Пятигорска и Кисловодска сюда добирались за два дня. Урусбиевых часто посещали русские путешественники или чиновники. Даже заезжие фотографы привозили сюда свои камеры. Последними здесь были два француза, занимавшиеся поиском редких деревьев. Мы слышали о них повсюду и последний раз видели их приобретения на пирсе в Потти во время погрузки на корабль. Итак, местные жители имели контакты с европейским миром, но его толки едва достигали потаенных уголков континента. Самим таубиям во вкусе не откажешь: один – хороший музыкант, другой, казавшийся более склонным к практической деятельности, получил кое-какое образование на русской службе, имевшей явно военный характер. Дома он ничем не занимался, кроме производства скоропортящихся сыров – только такие и делают на Кавказе. Однажды он, попробовав в России французский «Gruyère», был поражен и начал производить нечто подобное с приличным успехом. До нашего ухода мы видели также несколько отремонтированных колясок, которые собирали по его указаниям, переставляя сделанные топорно детали, использованные прежде. То, что наша страна дала миру великого драматурга Шекспира и все англичане живут бифштексами и портером, произвело на него особенно сильное

---

³⁰ Жареный мучной хворост, посыпанный сахарной пудрой.

впечатление. Он чрезмерно извинялся за то, что не мог обеспечить нас нашей национальной едой и предложил послать челядь на пастбище и зарезать бычка. Мы отказались от этого предложения, сказав, что мы вполне довольны только что купленной овцой. Мы старались, насколько возможно, узнать об образе жизни и обычаях этих людей. Но трудно говорить о чем-либо, когда простейшие предметы узнаются от неосведомленного переводчика. Суть собранного нами заключалась в том, что местные жители в верховьях долины на востоке считают себя расой, отличительной от черкесов, которые живут в пределах степи и в горах на западе. Они говорят, что являются здесь старыми обитателями. Они были лишены своего господства, когда толпы черкесов из Крыма заповилили эту местность. Они говорят на татарском языке. Их религиозные взгляды, если они вообще есть, магометанские.

Таубии, казалось, тем не менее были терпимыми к другим и имели широкое мировоззрение. Имперская власть России сильно не давила на этих горцев, которые платили незначительный налог на недвижимость. Они были избавлены от призыва на военную службу³¹ и слишком далеки от этих незначительных ограничений, которые свободные люди часто находят едва ли терпимыми. Их местное управление обычно описывают как феодальное. Нам показалось, что *патриархальное* будет вполне подходящим словом. Таубии – признанные главы общины. Их жилище было в четыре раза больше других в ауле. По отарам овец и гуртам скота они самые богатые. На них лежит обязанность развлекать приезжих. Но их слово не закон. Они могут только уговаривать, а не принуждать беднейших соседей выполнять их желания.

Мы осведомились о ближайших горах. В Сванетию есть два пути: один, по которому мы пришли по долине Накры, другой ведет вверх по долине на юг, к урусбиевцам, и хребет можно перейти, насколько мы поняли, в районе Бечо. Последний – выше того, что мы одолели, и, говорят, возможен с лошадьми. Путешественник, желающий выйти к Учкулану³², основному селению Карачая, имеет выбор пути – по кромке северного или южного склона Эльбруса. Если путник готов преодолеть переход пешком по тропе через ледник, то он поднимется к истокам Баксана и перейдет хребет, связывающий Эльбрус с водоразделом верховий Кубани. Если же он предпочтет менее утомительное путешествие, то перейдет два отрога с северным простиранием и спустится между ними, чтобы перейти долину Малки.

Любой другой дорогой до Учкулана можно добраться за три дня. Река Малка стекает с северного ледника Эльбруса. Русские исследователи обозревали эту гору в истоках Малки во время первой и наиболее значительной попытки восхождения на вершину Эльбруса, осуществленной экспедицией под командованием генерала Емануеля в 1829 году. Вдруг в селение поступило известие о том, что нескольких русских офицеров недавно видели на Малке. Мы встревожились: не обеспокоены ли официальные лица нашим успехом на Казбеке и не сделали ли они усилие опередить нас восхождением на Эльбрус. Ни о каких соперниках раньше мы не слышали. Если в этом извещении и была какая-либо правда, то, я полагаю, она заключалась в том, что кто-то ради удовольствия приехал из Кисловодска взглянуть на эту гору³³. Таубий обещал, что необходимые проводники для нашей экспедиции будут готовы рано утром. Они

³¹ По принятии русского подданства (1827) молодые таубии охотно начали поступать на военную службу. Многие из них принимали участие в рядах русских войск во время Венгерской кампании Русско-турецкой войны в 50-х годах и в покорении Западного Кавказа. Детей таубиев в те времена брали для обучения в кадетские корпуса, а юношей в Конвой Его Величества и вольно-определяющимися в части войска наравне с русскими дворянами. Для детей же таубиев и кабардинских привилегированных сословий учреждена была так называемая горская школа, ныне преобразованная в реальное училище (*Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. Нальчик*).

³² Ничего общего с Учкулум, собирательное название селений в верховьях Сванетии. Одно из них Джибиани. Очевидно, автор неточно записал название ущелья Учкол («Ущелье трех рек»). Юч кьол («Трехущелье») // Учкулан.

³³ Горовосходители, посещающие Кавказ, вероятно, ездят в Урусбиево. Однако позволительно предположить, что дороги, ведущие сюда, подходят для поездок только ради любопытства или чудных пейзажей и, я уверен, несомненно, подтвердят, что они непроезжие и сложные. Мы спустились в ущелье, открытое с южной стороны аула, и, повернув в глубине его направо, прошли тропой через ледник в лесную долину, из которой река изливается в Баксан на полпути от ее истока до Урусбиево. – *Авт.*

возьмут для нас большие плоские хлебы³⁴, которые удобнее нести, чем маленькие крошащиеся булки³⁵, обычно используемые для еды в ауле.

Люди, которые должны были выполнять работу носильщиков, выдвинули условия оплаты – два рубля в день, что не вызвало у нас никаких возражений. Вечером мы восхищались спортивными состязаниями молодежи, собравшейся у нашей хижины. Два парня начали бороться. Их подстрекали на более доблестную схватку обещанием двадцатикопеечной монеты победителю.

Селяне то и дело ходили перед нашей дверью, и у нас была явная возможность изучить их натуру. Мужчины были из прекрасного рода с высокой степенью самообладания. Женщины, которых мы видели, преждевременно старели и были морщинисты, за исключением совсем юных дев, которые были весьма хороши. На них были обвешанные монетами плотно облегающие шапочки, из-под которых ниспадали сплетенные волосы. В мужчинах не проявлялась вся красота рода. Молодые жены и девушки на выданье, вероятно, как это положено в магометанской стране, вели затворнический образ жизни.

Июль, 29-е. Утром, как обычно, мы встали и рано позавтракали. Носильщики появились на два часа позже и вошли один за другим. Хлеб тоже еще не испекли, и лишь к 8:30 наши приготовления завершились. С нами пошло пять туземцев. Большую часть груза они взвалили на лошадей, с которыми должны были идти до самого высокого пастбища. У наших спутников были палки с огромными железными сужающимися наконечниками длиной в два фута и шипы на подошву, которые надевают при лазании по льду или скользкому дерну. Вскоре они подтвердили, что были лучшими ходоками, чем те, с которыми мы имели дело раньше. Мы возвращались вверх по долине вполне размеренным шагом. Согласно нашему плану, мы должны были свернуть в долину, ведущую к восточному леднику Эльбруса, который, судя по карте, являлся прямым путем к горе.

Мы с трудом общались с носильщиками и понимали, что наши намерения не совпадали. Они желали свернуть, но мы считали, что еще не дошли до нужного поворота. Они утверждали, что мы должны подниматься по основной долине Баксана до ее верховья, а затем свернуть направо, чтобы дойти до юго-восточного ледника Эльбруса. Наши возражения по поводу предлагаемого нами пути не принимались. Пастухов в этом направлении не было. В долину не вела тропа, что заставило бы нас идти в обход и заняло бы три дня, чтобы добраться до подножия горы. Две первые причины внушали доверие, третья – смехотворная и полностью противоречила нашей точке зрения, которая появилась у нас позднее во время восхождения.

Разобравшись в ситуации, мы молча согласились с намерением наших спутников и продолжили путь по старым следам вверх по долине, порой извлекая пользу из знаний местности наших проводников, идущих коротким маршрутом через лес. Рядом с хижинкой, где мы провели ночь после перехода хребта, в изобилии росла земляника. Обычно земляники не так уж и много в этой местности.

Изгиб в направлении долины скрывает ее верховье от путешественника, до тех пор пока не обойдешь выступ северного склона; у подножия его поток столь сильно сжат, что тропа вьется по склонам над густым хвойным лесом. Здесь мы встретили двоих охотников, едущих на осликах. Каждый ослик был нагружен недавно убитым у кромки ледника диким козлом. Один был с прекрасными рогами, другой – сравнительно молодой. Наконец-то мы свернули за выступ, и перед нами открылся исток Баксана. Огромный ледник заполнил верховье долины. В пустынной хижине сделали привал для консультаций. Наши спутники предложили

---

³⁴ Автор упоминает пшеничный выпекаемый на огне хлеб, называемый горцами «тауа гырджын».

³⁵ **Галау** – калачики из кукурузной муки.

нам выбор: сворачивать в долину, открывающуюся справа, или же идти дальше – в верховья. Мы выбрали первый из двух, ибо этот путь был прямым³⁶.

Мы довольно быстро взбирались по долине; над нами слева поднималась поразительная масса столбообразного базальта с густо-красным оттенком и странно искривленная. В высоких травах шныряли змеи, как правило, редкие на Кавказе. Один из носильщиков призвал меня кивком головы следовать за ним. Мы прошли несколько футов вверх по тропе, и он показал мне сглаженную снежную вершину Минги-Тау, видимую над ледопадом. Это был первый вид Эльбруса, с тех пор как мы прибыли на Кавказ. Подплывая к Поти на пароходе, мы лишь мельком видели эту гору с Черного моря. Мы прошли с полчаса у кромки ледника и встретили пастухов, которые стреножили своих лошадей на лугах, куда мы дошли от Урусбиево за девять часов. Здесь мы легко приобрели отличное молоко, сыр и каймак³⁷ (нечто, похожее на девонширские сливки) – деликатесы горской жизни, которых нам не хватало на южной стороне хребта. Наша палатка была установлена рядом с бивуаком пастухов. Овцы были заметно обеспокоены воздвигнутым новшеством на месте их отдыха, что побудило их сторониться, а большую часть ночи наседать на бока нашего укрытия. К счастью, альпийскую палатку нелегко свалить, но наш сон постоянно прерывался бестолковостью злившихся животных, которые бодали фут нашей палатки у изголовья.

Июль, 30-е. Утро было чудесное. Холодный ветер, казалось, предвещал период установившейся погоды. Мы не ожидали, что предстоит долгая работа. Мы уже были на высоте 8000 футов. На высоте 12 000 футов мы едва могли найти подходящее место для стоянки. Тем не менее, мы отправились в хорошее время, чтобы, в случае необходимости, поспешить разведать местность. Лошади шли с нами с полчаса до ледника, который значительно отступил за последнее время. На четверть мили от его нынешнего ледового конца были заметны древние морены, уже заросшие травой. Перейдя речку, разлившуюся на несколько потоков, мы начали подъем по крутому холмистому склону справа от ледопада, с весьма чистым льдом, разбитым на башни и шпили. Спустя некоторое время череда трещин преградила нам путь. Однако они незамысловато сходились в одном месте близ водопада, чьи струи взлетали над почти вертикальными слоями базальта. Выше усыпанные горечавками склоны на низком дерне выглядели контрастом снежным прогалинам и обломкам пород, которые простирались до обрывистого берега, откуда мы смогли лучше рассмотреть рельеф склона.

Мы были на скалистом гребне, вершина которого находилась в шестистах футах выше нас и ограничивала снежное поле, спускавшееся к Баксану двумя конусами – один был ледопадом, по которому мы поднялись, второй, на запад, – ближе к верховьям долины.

Носильщики совершили долгий обход, чтобы избежать крутой берег, по которому мы только что взобрались, и потерялись из виду. Мур чувствовал себя неважно, из-за чего шел с трудом. Таккер, Франсуа и я начали взбираться на гребень перед нами в надежде найти подходящее место для бивуака близ его вершины. Валуны были огромные, но перебраться через них трудностей не составляло. Прошло много времени, прежде чем мы смогли найти нечто, в шесть квадратных футов. Если придать слову более широкий смысл, то можно назвать это ровным участком. Когда мы наконец-то успешно достигли цели, объявили об этом криком нашим приятелям внизу и поспешили взглянуть, что там выше. Мы прошли скалы на самых высоких отметках, и дальнейшее восхождение футов на пятьдесят привело нас к огромному снежному

---

³⁶ Судя по описанию, Фрешфильд пошел ущельем Терскол, что подтверждает С. Голубев в работе «Пешком из Пятигорска на Эльбрус и через Нахар в Сухум» (Ежегодник Русского горного общества. 1909. М., 1913. Вып. 9. С. 40): «Было уже 7 часов вечера, погода портилась, и мы подходили к знаменитому Качкаровскому кошу, иначе называемому кошом Терскол, стоявшему у устья Терскола и Азау. Этот кош был известен тем, что громадное большинство восхождений на Эльбрус было совершено именно отсюда, причем путешественники шли долиною Терскола и глетчером того же названия и достигали фирновых полей Эльбруса. Отсюда, между прочим, было сделано первое восхождение на Эльбрус в 1868 году Дугласом Фрешфильдом».

³⁷ **Каймак** – сливки, или высушенная пенка (*балк.*).

полю, окружающему вершину Эльбруса, которая вдруг выросла перед нами. Она напоминала нам в очертаниях перевернутую чайную чашку. Гора проявилась двумя вершинами, почти равными по высоте, и обе – легко достигаемые любому, кто привык к альпийским восхождениям.

Весьма довольные своими наблюдениями, мы вернулись к тому месту, что выбрали для нашей палатки, и начали усиленно его выравнивать. Чтобы добиться желаемого, мы выкопали ледорубами почти фут каменного грунта с возвышенной стороны и выровняли за счет него нижнюю. Дыхание учащалось из-за нехватки кислорода и усилий, с которыми мы разбивали камни с одной стороны и перебрасывали их на другую. Промежутки в естественной скальной стене с подветренной стороны мы заделали полностью. Закончив работу, довольные собой, мы сидели и восхищались нашим рукоделием и ждали затянувшегося прибытия остальной части нашей группы. Наконец-то наши носильщики прибыли, и палатка установлена. Вечерний вид с нашей площадки на высоте около 12 000 футов был великолепный. На юг, напротив, через Баксан, видна центральная цепь гор.

Величественным квадратом вздымался Донгузорун. Его скалы на макушке покрыты огромным ледовым карнизом; широкий чистый ледник струился по его склонам. Далее на восток – двузубый гигант: в нем мы узнали поразившую нас при знакомстве со Сванетией Ушбу. С юга она выглядит совершенно неприступной, а в развороте с севера на ней больше снега. Наше удовольствие от этой картины было прервано непредвиденным беспокойством. Носильщики затребовали оплаты за первые два дня. Мы напомнили им, что они согласились с условиями оплаты полностью по возвращении в Урусбиево и тогда же оплата была предложена в две банкноты. Они отказались от сказанного и затребовали каждому его часть. Мы сказали, что у нас нет мелких денег, из-за чего они объявили о своем намерении возвратиться домой и оставить нам самим спускать свой багаж вниз, насколько нам это удастся. Такое поведение без явной причины могло быть воспринято только с негодованием, и мы ответили, что они могут делать все, что им заблагорассудится, а мы пойдем вскоре после полуночи и вернемся в полдень. Пока наш груз не будет в целостности доставлен до бивуака пастухов до наступления ночи, мы не заплатим им ничего. Мы добавили, что если кто-либо из них пожелает идти с нами на восхождение, то это доставит нам большое удовольствие. Мы снабдили каждого веревкой и ледорубом. Получив такой ответ от Павла, все пятеро ушли, будто верили, что мы не вернемся. Но менее чем через полчаса они вернулись, как дети, переставшие дуться, и извинились за свое поведение. Это недоразумение, ко всеобщему удовольствию, было сглажено, и, пока мы готовились к ночевке, они ушли в уединенный приют, расположенный ниже холмистого склона. Павел не соглашался с нашим советом и настаивал на своем участии в восхождении, так как он сильно хотел взойти на эту знаменитую гору. Он был рядом и за свою жизнь он многое слышал, что о ней рассказывали. Нам не хотелось сдерживать его душевный порыв, тем более что для этого не было повода, чтобы его желание не было осуществлено. Ночь обещала быть холодной, и мы предложили Франсуа перейти в палатку, которая, как это подтвердилось на Казбеке, приспособлена для четверых. Павел тем временем нашел себе пристанище во рве, вырытом нами в изголовье палатки.

Июль, 31-е. Холод ночью был такой сильный, что вода, которой мы наполнили на ночь прорезиненные мешки, висевшие под пологом палатки, смерзлась к утру в крепкие сосульки. Из-за того, что у нас не было дров, мы не могли добыть воду. В 2:10 ночи, зная, что твердь земная скоро останется позади, мы связались веревкой и отправились одни, так как туземцы на наши крики не ответили. Мы вскарабкивались по крутым снежным гребням, которые вели нас к «громадному плато». Павел скользил беспомощно, и Таккер почти волоком тащил его какое-то расстояние. Когда через четверть часа мы добрались до кромки грандиозной снежной равнины, Эльбрус едва проявился перед нами: громадный, бледный и, к нашему удивлению и разочарованию, частично окутанный темным облаком. Теперь шлось легко, и мы брели, не сказать, что в угрюмой тишине, но молча с ледорубами под мышками и спрятав руки в карманах. Мы

были хорошо защищены от свирепого холода валлийскими шерстяными шапочками ручной вязки, шарфами, кардиганами и шерстяными манжетами, хотя, благодаря нашим спутникам, я потерял гамашу, чем дал повод для иронических замечаний. Несколько неисправимых путников повторяли известное утверждение, что красота природы застывает в снежном поясе, и те, кто преодолевает этот предел, не получает никаких наград за свои старания, кроме удовлетворения воспринимать эту гору, как смазанный жиром шест на сельской ярмарке для желающих рискнуть по нему взобраться. Когда мы брели по снежным полям Эльбруса, я пожалел, что с нами нет этих неверящих, чтобы вынудить их признать поразительно пугающее великолепие, а сильный холод окажется для них справедливым наказанием за их прошлые обиды. Последние лучи заходящей луны осветили вершины Главного хребта: меж его вершинами мы увидели множество южных отрогов. Ледовые склоны Ушбы и Донгузоруна отражали бледное мерцание небес. Далеко на запад скалистые пики скрывались в густой тени. Мы были достаточно высоко, чтобы взглянуть на хребты, расходящиеся от Эльбруса на северо-восток. В этом направлении темная череда облаков, нависшая вдали над степью, освещалась мерцанием в виде растянутых белых полос, производимых вспышками раскаленных молний. Густые темные облака все еще были на горе перед нами. Тем не менее, небо было чистым, а звезды светили необыкновенно ярко.

Там, где снег стал ссыпаться наклонно к основанию горы, хрустящая корка лопнула под моими ногами, и я вдруг исчез в скрытой трещине, словно в люке. Павел был на веревке сразу же за мной и ужаснулся от случившегося. Первым его импульсом был рывок к обрыву, чтобы увидеть, что со мной произошло, но его порыв был сдержан моими спутниками. Трещина была из тех, что расширялась вглубь. Сдерживавшая меня веревка придала мне сил сразу же опереться ногами на полочку с одной стороны и спиной – с другой. Положение было более нелепым, чем неудобным. Руки мои были в карманах, а ледоруб под мышкой. Благодаря прочности веревки и узкому пространству нелегко было воспользоваться ледорубом без опасения уронить его в неизвестную глубь подо мной.

Когда я попытался подняться на руках, снежная корка под ними лопнула, и нам всем стоило больших усилий, прежде чем меня вытащили и благополучно поставили на ноги.

Крутизна склонов увеличивалась, холод усиливался, а ветер становился невыносимым, отчего вид у всех был далек от веселого. Утренняя звезда своим странным сиянием и ярким восхождением вызвала в нас восторг на какое-то время. Она предвещала пламенную зарю, которая заставила одного из нас воскликнуть: «Восходит солнце!». Оно вошло внезапным блеском из тумана и вспышек молний, играющих в облаках, которые лежали перед нами и вдали заполняли степь. Шок был моментальный, но вскоре сменился состоянием ледяного отчаяния, которое не убавилось из-за дезертирства Павла. Он продрог от сильного холода, повернулся и пустился вниз по нашим следам. Час за часом мы шли без привала, надеясь, что солнце принесет с собой тепло.

Рассвет с высоты Монблана – картина неземной красоты: словами передать это невозможно, они создают лишь слабое впечатление. Вдруг восточные гребни гор воспламенились и впервые предупредили нас быть начеку: минуту спустя снег, на котором мы стояли, трещины под нами и вся атмосфера покрылись розоватым оттенком. Облако на вершине, тронутое рассветом, из черного превратилось в серое, а теперь, охваченное вспыхнувшей зарей, вдруг рассеялось, словно привидение, знающее свое время. Когда оттенки начали увядать, солнечный диск вошел на востоке и залил нас потоком золотистых лучей, которые вскоре поглотились дневным светом. Но тепло все еще не ощущалось. Это был серьезный вопрос: сможем ли мы идти дальше? К 7:30 мы были на высоте 16 000 футов и дошли до скал, торчавших у вершины. Ища в них укрытия, мы встали, дрожа, постукивая ногами о камни, похрустывая пальцами, чтобы, если это возможно, предохранить их от морозного покалывания. Едва слышными голосами, под зубную дробь, мы решали: возвращаться или же идти дальше. С одной

стороны, ветер не утихал, и риск перемерзнуть становился серьезным. Таккер и Франсуа уже не ощущали пальцев. Мои пальцы ног были в том же состоянии. С другой стороны, камни под ногами менее охлаждали ноги, и скалы позволяли укрыться от ветра. Оглянувшись, к нашему удивлению, мы увидели двоих носильщиков³⁸: они быстро поднимались по нашим следам. Мы уже было решили возвращаться, когда они подошли к нам. Им было вполне уютно в их бурках, и холод их совершенно не беспокоил. Третий, который пошел с ними, как и Павел, вернулся.

Я сказал: «Если хоть один из носильщиков пойдет дальше, то и я пойду с ним». – «Если хоть один пойдет, пойдут все», – добавил Мур. Решение было принято, и мы вновь обернулись к горе.

С этого времени холод, хоть и жестокий, не причинял боль. То тут то там большие выступы выдавались над поверхностью. Долгое восхождение облегчалось камнями мелкой фракции и привело нас к подножию низких скал.

Чтобы пройти по ним, нужно было вырубить несколько ступенек, и это была единственная трудность, которую пришлось преодолеть на этой горе. Поднявшись к тому, что долго было для нас линией небосвода, мы увидели еще больше скал над собой. Вместо желаемого успеха мы ощущали сомнения. Однако мы пошли дальше, делая несколько коротких привалов.

Мы долго добирались до мощных трещин, которые, в конце концов, прошли. Мы почти неожиданно оказались на уровне обеих вершин и ступили на широкий гребень, расходящийся на восток и запад. Мы повернули налево, лицом к ветру, и сделали последнее усилие. Гребень не представлял трудностей. Ведомые носильщиками, мы шли по нему один за другим, руки в карманах, ледоруб под мышкой, пока не взобрались на высшую точку голых скал, окруженных снегом. Эта вершина была на конце подковообразного гребня, увенчанного тремя четко выделенными возвышениями над снежным плато, в котором даже наши непривычные глаза бесспорно различили старый кратер.

Те камни, что мы собрали и унесли с собой, были вулканического происхождения. Мы ходили или, вернее, бегали по гребню: к его пределу, переходили по двум значительным понижениям и посетили все три возвышенности. В самой дальней скальной башне мы укрылись при вполне сносной температуре. Здесь мы сели, чтобы осмотреть в деталях, насколько возможно, широкую панораму. Двое туземцев указывали на различные долины, а мы старались узнать горы. Легкие облака потянулись с западной стороны вершины, и бескрайний туман скрыл северную степь – без него вид был бы ясный. Начиная с востока, в очертаниях панорамы была центральная цепь гор между нами и Казбеком. Я никогда не видел какую-либо группу гор, которая бы так хорошо просматривалась снизу вверх, как те большие пики, что вздымались над истоками Черек и Чегема. Апеннины и Монблан выглядят незначительными в сравнении с Коштантау и ее соседями вместе с Эльбрусом. Эта группа Кавказских гор выглядит прекрасно: вершины острее, а глубину ущелий, разделяющих их, можно только предполагать. Ничего более впечатляющего в Альпах я не видел. На юге двузубая Ушба все еще соперничала своей громадой, хотя, в конце концов, оставалась под нами. Высочайшие вершины и снежники горной цепи находились между нами и Сванетией у наших ног, как на рельефной карте. Мы увидели за ними Лайлу с ее снежными гребнями, а вдали голубоватые хребты на турецкой границе между Батумом и Ахалцыхом. Переходя с места на место, мы всматривались за грани крутой скалистой вершины, высочайшей на западной стороне Эльбруса, и пытались различить Черное море. Трудно было понять, то ли серая поверхность, с которой встретился взгляд, была

---

³⁸ Имя одного из этих носильщиков хорошо известно. О нем рассказывает С. Голубев в своей публикации «Пешком из Пятигорска на Эльбрус и через Нахар в Сухум» (Ежегодник Русского горного общества. 1909. М., 1913. Вып. 9. С. 43): «Пришел князь Урусбиев и начал ободрять меня, говоря, что не надо падать духом, хотя сам и сомневался в том, что мы достигнем вершины. Он передавал, что даже легендарный охотник, Ахия, который лазил по скалам лучше всякой серны и, убив на своем веку 1800 туров, один из самых выносливейших горцев, после восхождения с Фрешфильдом потерял здоровье на всю жизнь».

водой, то ли густой туман нависал над землей. Туманы, натываясь ниже на склон гор, скрывали истоки Кубани, но мы, сразу же, взглянули вниз на истоки Малки. С этой стороны склон горы, казалось, выглядел однообразным почти на 1000 футов. В нем ничего не было такого, что могло бы сделать восхождение невозможным, но оно было бы очень долгим и утомительным. Мы не были голодны, а если бы мы захотели выпить за чье-либо здоровье, то у нас ничего для этого не было, поэтому мы дали выход своим чувствам и удивили носильщиков своим восклицанием «Гип, гип, ура!» в честь старой горы, которая своим ветром и холодом устроила нам хорошую взбучку. Затем мы поспешили назад, к первой возвышенности, что казалась нам самой высокой; на ней Франсуа уже приступил к возведению небольшой снежной бабы.

В этот период кто-то вспомнил, что мы забыли все о разреженности воздуха. Мы попытались проследить за этим явлением, но ничего не вышло. Полагаю, что это факт: на высоте 18 500 футов ни один из нас шестерых не был подвержен такому недугу. Это доказывает, что горная болезнь не есть необходимое зло и она влияет только на тех, кто плохо тренирован или плохо себя чувствует во время восхождения. Таков мой опыт, каковой я имел, страдая горной болезнью лишь дважды – однажды при попытке взойти на Дент Бланш, в первый день швейцарской поездки, и еще раз на Арарате, когда был совершенно не в состоянии совершить восхождение. Мы поднялись на вершину Эльбруса в 10:40, а ушли спустя несколько минут после 11:00. Нам было трудно согласовать в очертаниях внешний вид вершины горы, видимый с севера и юга. Из Потти или Пятигорска Эльбрус возвышается двумя пиками, сравнительно равными, разделенными значительной впадиной. Седловина между вершинами, которую мы посетили, не более чем 150 футов глубиной, и мы были удивлены тому, что издали она казалась значительной. Проходя по подковообразному гребню, мы, естественно, всматривались, чтобы понять, нет ли другой вершины, но ни одна не была видна. Лишь у той, что на западе, склоны проявлялись крутыми обрывами в сторону Карачая. Облачность была недостаточно густа, чтобы скрывать почти равные по высоте вершины, на одной из которых мы стояли.

Восхождение от нашего бивуака – с высоты 6500 футов – заняло 7 часов при всего нескольких привалах. На Монблан от Гранд Мюле мы поднимались с более высокой отметки – 8000 футов. Спустились мы за 4 часа, а возможно, что и быстрее. Скалы не были сложны: без хлопот со сматыванием и разматыванием веревки, – обошлись без нее. Кое-какие предосторожности все же не мешали: приходилось посматривать вверх, чтобы избежать падения шатких камней. Мур повредил палец таким камнем, последствия чего длились несколько недель. Около часа мы уже были на том месте, где утром спорили. Здесь впервые за день мы сытно поели. Теперь можно было сбить сосульки, обрамлявшие бороду с трех часов утра. Отсюда мы увидели, что восточный ледник Эльбруса вытекает из тех же фирнов, что и ледовый поток, спускающийся к истокам Баксана. Он не представлял никаких трудностей, чтобы следовать по нему в верховья долины, из которой мы намеревались взять гору приступом. Снег все еще был в хорошем состоянии, благодаря изрядному холоду, и мы скользили вниз довольно быстро. Двое туземцев предпочитали держаться за веревку. Мы радостно приняли их предложение, ибо, когда мы спускались по нашим следам, они увидели дыру в месте моего провала в трещину и извлекли из этого полезный урок.

В долине сформировалось облако и теперь, свернувшись, окутало нас на полчаса. Это не вызывало особых сложностей в прокладывании пути сквозь туманный слой, просвечиваемый ярким солнечным светом. Мы пришли к нашему бивуаку и поняли, что Павел уже ушел с багажом. Вскоре мы пошли за ним, спускаясь не спеша по крутым склонам близ ледника. Поток, еще вчера вырывавшийся из подножия ледника, изменил свой исток и сегодня хлынул струей сверху ледового поля. Полуденное тепло растопило воды, и у нас были затруднения с их переходом. Два туземца, прибывшие до нас, рассказали все своим приятелям и пастухам, которые решили, что больше нас не увидят, и те были, по-видимому, удивлены и польщены

приветствовать нас не только живыми, но и преуспевшими. С появлением в лагере нам пришлось подчиниться местной привычке поздравлений с обычными объятиями и поцелуями.

Август, 1-е. Мы слишком устали после долгого нахождения на холоде и должны были отдохнуть. Мы были готовы возвращаться в Урусбиево на рассвете, но у наших спутников были другие планы. Мы поняли, что они задумали освежевать и съесть барана, прежде чем уходить. Не желая по дороге тратить время зря, мы оставили их, чтобы догоняли. Но при первой же попытке идти у меня разболелось колено, словно после сильного растяжения, и мне пришлось остановиться и сесть на одну из тех лошадей, что мы привели из аула. Боль и усталость, которые, несомненно, были последствием холода, постепенно прошли, и я был рад с полпути обходиться без лошади.

Караван наших носильщиков догнал нас за полчаса до прихода в Урусбиево, и мы пошли вместе. Никогда прежде я не видел таких хороших ходоков, как эти татары, – не только по склонам холмов, но и, что самое замечательное среди горцев, на ровном месте. Они задавали нам темп и легко вели нас на восхождении на Эльбрус. Таккер, желая испытать их темперамент, торопливо пошел по лугу. Они же, после того как прошли пять миль за час, вскоре догнали нашего друга с заметной легкостью, и он пожалел, что предложил им испытание на скорость, которую сам спровоцировал. Эти люди – сырой материал, из которого появятся кавказские гиды. Если огромные языковые барьеры будут преодолены, нет сомнений, что с небольшой практикой на ледовых трещинах они станут первоклассными спутниками для путешественника, желающего исследовать ледники этой горной системы.

Мы вошли в Урусбиево и дошли до кунакской почти незамеченными; но и нескольких минут не прошло, как наши туземные проводники уже распространили новости о возвращении и толпа возбужденных селян ввалилась в комнату. Несколько минут прошло прежде, чем рассказ был полностью осознан. Наши обожженные лица и частично ослепшие двое из наших спутников были видимыми признаками того, что мы провели много часов на снежных полях. Сопутствующие обстоятельства и описание вершин, данное носильщиками, казалось, убедили в действительном восхождении. Сцена была самая забавная. Все местное мужское население столпилось вокруг нас, чтобы позвать нам руки. Каждый из наших спутников стал центром внимания, и в воздухе витало «Аллах!», вздобренное восклицаниями вперемежку с восторгом. Когда кто-нибудь входил, то требовал рассказать историю вновь, постоянно повторяя: «Минги-Тау». Это привычное им название звучит для моего слуха более благоприятно, чем тяжелослоговое «Эльбрус».

Мы подверглись перекрестному допросу о том, что видели на вершине. К сожалению, мы были вынуждены признать, что не видели огромного петуха, который там живет. Нам говорили, что он приветствует рассвет кукареканием и похлопыванием крыльев и упреждает приближение людей к сокровищам, которые он охраняет, нападением на незваного гостя клювом и шпорами. Мы даже не могли притвориться, что беседовали с великанами и духами. Они верили, что те живут в расселинах и пещерах Эльбруса.

Об одном из них Хакстаузен рассказал следующую легенду: «Однажды абхазец спустился в глубочайшую пещеру этой горы, где он обнаружил огромного великана, который ему сказал:

– Дитя человеческое верхнего мира, которое отважилось спуститься сюда, скажи мне, как человеческий род живет наверху? Женщина все еще верна мужчине? Обижается ли дочь на свою мать?

Абхазец ответил утвердительно, на что великан заскрежетал зубами, тяжело вздохнул и сказал:

– Тогда я должен жить здесь, вздыхая и сетуя!

Великан упустил свою возможность, когда я провалился в трещину, ибо он мог задать мне тот же вопрос. В старом номере «Субботнего обозрения» в моем кармане была знаменитая статья, прочитав которую, он увидел бы, что период наказания уже завершился.

Разумеется, пришли таубии обсудить с нами экспедицию и, казалось, были поражены тем, что слышали, как мы пользовались нашим горным снаряжением, назначение которого они едва ли осознавали прежде.

Бурному восторгу Хамзата не было предела. Он постоянно входил и выходил, повторяя каждый раз магическое слово «Минги-Тау». В конце концов, его хвала достигла лингвистических высот, и в то же время он выдал удивительные познания о Западной Европе, что выразилось в доверительном: «Минги-Тау, Лондон, шампанское, frühstück³⁹, карашо!». Очевидно, он провел время на русской службе не без пользы дела.

Мы легли спать без груза в голове, чувствуя, что случилось то, чему следовало: трем важнейшим пунктам нашего путешествия – восхождениям на Казбек и Эльбрус и прекрасной организации переезда это полностью завершилось. Осознаваемое мужество предполагало награду.

После месяца тяжелого труда, убогого проживания без пристанища, сопровождаемого временами сильным желанием успешного выполнения наших проектов, мы хотели с удовольствием предаться роскоши цивилизации в Пятигорске, водяном курорте Северного Кавказа.

Август, 2-е. Естественно, мы вообразили себе, что с дружеской помощью местных таубиев у нас не будет трудностей в приобретении лошадей, чтобы совершить поездку в Пятигорск. Но этого не случилось: старый возбудитель алчности, проникший к кавказским горцам, всплыл на поверхность. Названная цена была абсурдной. Организация отъезда была осложнена в дальнейшем необходимостью договориться с двумя или тремя людьми, ибо ни один крестьянин не имел достаточно лошадей для всей нашей компании; таубии имели влияние, но не авторитет, и с их помощью приготовления были завершены. Более богатые селяне просили узнать, нет ли у нас золота или серебра с собой, чтобы мы обменяли их на русские деньги, и получили формальный ответ от одного из слуг таубиев. Здесь каждый себе банкир и каждый носит свои ценности на себе – переплавленными в формы золотого орнамента для пояса или ножен кинжала или же вывешенными золотыми монетами на лбу жены. День был великолепен, но мы были слишком ленивы, чтобы подняться на какой-либо холм, даже для того, чтобы посмотреть на Эльбрус.

---

³⁹ Завтрак (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.